

Генрих Пиброк

НЕМЦЫ ПОМОГАЮТ СТРОИТЬ РОССИЮ

Вклад немцев в историю России

Серия knapp + klar, выпуск 26. Издательство «Грундлагенферлаг», 2000 г.

Оригинал: Heinrich Piebrock, Deutsche helfen Russland bauen.

Reihe knapp + klar, Heft 26; Grundlagenverlag, 2000.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Викинги захватывают Россию
2. Немцы занимаются миссионерской деятельностью на Востоке
3. Монгольские бури потрясают Россию
4. Возвышение к великой державе под двуглавым орлом
5. Также Иван Грозный нуждается в немцах
6. Борис Годунов и Лжедмитрий
7. Россия обращается на Запад
8. Престолонаследник убегает от своего отца
9. Трагический конец царевича
10. Царь и царица прибыли из Германии
11. Триумфальное шествие русской музыки и литературы
12. Немцы и русские в освободительной борьбе против Наполеона
13. Бисмарк и отношение к России
14. Немецко-русские отношения в современности
15. Заключительное слово
16. Использованная литература

Часть 1: Викинги захватывают Россию

Великое и жестокое, как бескрайний простор страны с ее летней жарой, которая без длинных переходов резко сменяется сибирским холодом, с медведями, волками, кровожадными стаями комаров, жестокими, как наваливающиеся из глубин Азии конные орды, которые не раз, грабя, убивая и насилуя, прорывались до сердца Европы – таким было началом русской истории, а также весь ее следующий ход.

В качестве прародительницы более семи столетий определяющей судьбу России правящей династии Рюриковичей можно рассматривать Ольгу, невестку Рюрика.

Варяг Рюрик, и его происходившие из Скандинавии северные германцы в ходе смелых походов на своих ладьях проникли глубоко в Россию, подчинили себе славянское коренное население, дали этим новым областям название и благодаря своим организаторским способностям основали большую империю. Ольга, германское имя которой еще было Хельга, вошла в историю не в последнюю очередь также благодаря своей неистовой мстительности, в сравнении с которой Кримхильда из Саги о Нибелунгах кажется просто сущим младенцем.

Ее муж, варяжский князь Игорь, после предшествовавшего захвата территорий вокруг Киева попытался заставить платить себе дань также племя древлян. Но древляне не испытывали радости от требований дани, и предусмотрительно воспользовались случаем, убив Игоря и маленький сопровождавший его отряд. Ненависть Ольги, когда она узнала об убийстве, была безграничной и определяла отныне ее жизнь.

После того, как она приказала бросить делегацию древлян в большую яму и похоронить их там заживо, она смогла также заманить древлянских дворян в свой замок, где после щедрого обеда пригласила их в баню, но после этого приказала их там сжечь. Больше того, она смогла обвести вокруг пальца, заманить последующих посланников племени. Она подпоила их, а потом, когда они опьянели, убила. Затем она с войском вышла в поход на древлян и полностью их разбила. Древляне просили о милости и были готовы покориться и преподнести ценные дары в качестве искупления.

Ольга попросила у древлян только маленький выкуп: с каждого дома по три голубя и по три воробья. Древляне очень обрадовались мягкости Ольги и принесли птиц; они все еще не осознали в полной мере жажду мести княгини руссов. Вечером ее воины прикрепили лучинку к хвосту каждой птицы и

подожгли ее, затем выпустили птиц, и эта «военная авиация» вернулась к своим гнездам под соломенными крышами Искоростеня, после чего весь город сгорел. Оставшиеся в живых древляне были либо перебиты, либо проданы в рабство, либо вынуждены были платить тяжелые подати.

Но Ольга была не только жестокой фурией мести; она была также способной и дальновидной княгиней. Это заставляло ее расширить свое государство на юг к Черному морю. За это она позволила греческими священниками окрестить себя. Тем не менее, как уверенная в себе властительница она настояла, чтобы обряд крещения прошел в великолепном соборе Святой Софии в Константинополе, причем перед глазами византийского императора и императрицы, которая как крестная мать дала Ольге свое собственное имя: Елена.

Намерение императора было ясно: с помощью христианизации внушающих ужас норманнов исходящая от них угроза должна была быть уменьшена или исключена. (За это – и не обращая внимания на ее прежние деяния – Ольга, теперь христианка Елена, была позже причислена церковью к лику святых).

Однако Ольга вовсе не думала подчиняться господству Византии; наоборот: Как противовес к этой попытке привязать ее к Византии и к Папе, Ольга одновременно установила отношения с Оттоном Великим; первая, но отнюдь не последняя связь и сотрудничество между немцами и русскими. Это было в 945 году, за тысячу лет до другой важной даты в немецко-русской истории.

В немецком императоре она видела идеального партнера: главная фигура Западной Европы, который, подобно ей самой, умел мыслить большими пространствами. Оттон с радостью согласился с ее просьбой прислать миссионеров и установить более тесные отношения между обеими молодыми континентальными державами. Монах Либуций из монастыря Святого Альбана в Майнце получил от Оттона приказ основать с группой умелых помощников немецкую миссию в России. Но Либуцию не повезло, еще до окончания всех приготовлений к поездке он внезапно умер. Определенный ему в преемники монах Альберт хоть и добрался от Мозеля до Днепра, но не приспособился к негостеприимному новому климату и уже через год вернулся в Германию. Правда, став позднее архиепископом Магдебурга, он способствовал распространению христианства в Польше и Литве.

Выбор между обоими конкурирующими христианскими вероисповеданиями был решен русскими, наконец, в пользу греческого православия. Это был уже только вопрос стратегического положения. Константинополь находился значительно ближе, чем архиепископство Магдебурга.

Ольга умерла в 969 году. В упомянутой Лео Зиверсом хронике монаха Нестора сообщается: «Она была для страны утренней зарей перед восходом солнца». Оставленная ею держава была разделена среди трех ее внуков. Из них князь Владимир позже тоже почитался как святой – так как он объявил христианство государственной религией и приказал уничтожить всех языческих идолов.

Этот монах Нестор проживал в келье старейшего из семи построенных в Киеве и его окрестностях монастырей у обрывистого берега Днепра. Там он работал над первой русской исторической летописью, тем не менее, не смог закончить ее до своей смерти в 1115 году.

Шесть веков спустя немецкий лингвист и историк Август Людвиг Шлёцер в возрасте 26 лет приехал в Петербург и взялся за трудное задание: кропотливо снова соединить оставшиеся от оригинала Нестора обрывки в единый труд. Он также перевел эту летопись на немецкий язык; всего она составила пять томов. За свои заслуги, которые простирались также на другие сферы, такие как торговля, судоходство и история северных государств, Шлёцер был возведен царем Александром Первым в дворянское сословие. Дочь Шлёцера прославилась наряду с красотой и своей образованностью. Уже в возрасте 17 лет она получила докторскую степень. Она написала первую и основательную историю русского монетного дела. Сын Шлёцера Кристиан, став профессором Московского университета, написал наряду с другими произведениями книгу «Основы государственной экономики». Она была издана в 1804 году в Риге на русском языке и на немецком языке. Также его внук Курд фон Шлёцер занимался по семейной традиции немецко-русскими отношениями, главным образом достижениями немцев в остзейских (балтийских) провинциях. Он был первым немецким посланником в Вашингтоне после основания империи Бисмарка. Но теперь вернемся в средневековье.

Часть 2: Немцы занимаются миссионерской деятельностью на востоке

Почти два столетия Киев был культурным и экономическим центром и столицей государства наследников Ольги. Напротив, более поздняя столица Москва очень долго оставалась лишь маленькой деревней на берегу Москва-реки. Впервые ее имя было упомянуто в 1147 году, когда Юрий Долгорукий, потомок святого внука Ольги Владимира, приказал там бросить на съедение медведю боярина Кучко, чтобы завладеть этим местечком, столь благоприятно расположенным на торговом пути из Ростова в Суздаль.

Юрий был не только великодушен в выборе своих средств. Так же, как и другие русские князья, он любил приглашать гостей и особенно политически важных

лиц на бесконечные пьянки и с помощью многочисленных проституток делать их более «сговорчивыми». Также история Москвы началась с такой вакханалии. При этом Юрия посетила мысль сделать Москву сильной крепостью в качестве передового укрепления его настоящей резиденции в Суздале. После восьми лет строительных работ здесь возник первый Кремль.

После смерти Юрия в мае 1157 года его сын Андрей сделал своей резиденцией близлежащий и только что основанный Владимир, где он наряду с великолепным дворцом приказал построить также знаменитый Дмитриевский собор. И именно император Фридрих Барбаросса с готовностью предоставил ему необходимых для этого архитекторов вместе с каменотесами и кровельщиками из Германии.

Андрей был еще более решительный властитель, чем его отец. Его целью было восстановление империи Рюрика. Он захватил великолепный Киев и покорил такой же могущественный Новгород на севере. Он умел без больших церемоний устранять своих политических противников, также тех, которые когда-то могли бы стать таковыми. Только с одним показавшимся ему опасным племянником он посчитал нужным поступить несколько более секретно. Так как медвежий трюк его отца больше не казался целесообразным, он вместо этого приказал утопить предполагаемого соперника в ручье. Но в своей жестокости Андрей не учел одного; ревность и мстительность побудили трех женщин устроить заговор против него. С большим терпением и еще большей изощренностью им удалось привлечь на свою сторону нескольких дружинников из личной охраны Андрея. 29 марта 1174 года они подкараулили своего правителя и убили его, когда он как раз выходил из своего нового Дмитриевского собора.

Братья Андрея спорили по поводу власти в государстве; младший из них, Всеволод, вышел победителем. Он подчинил себе не только братьев, но и других меньших князей в окрестностях. Он развил Кремль до еще большей и более сильной крепости, которая стала одновременно его резиденцией, в которой он мог содержать двор с великолепием и широтой натуры.

В это время его едва ли касалось то, что западнее, вдоль побережья Балтийского моря, Немецкий орден (тевтонцы) и Орден меченосцев начали свой миссионерский поход вверх к Финскому заливу. Самым значительным городом в новых орденских землях стала Рига на одноименном заливе. Ее основателем был нижнесаксонец Альберт фон Буксгевден, каноник в Бремене, который был посвящен в 1199 его дядей, архиепископом Бремена и руководителем миссии для обращения в христианство язычников на севере, на епископа Ливонии. Новый епископ не предпринимал никаких рискованных предприятий – его

предшественник был убит латышами, так как они не придавали никакого значения переходу в христианство.

Но отнюдь не одно лишь христианское усердие миссии способствовало процветанию этого великолепного города с его плодородными окрестностями, и привело к процветанию и другие значительные города, которые увенчивали берега Балтийского моря. Ганзейские купцы, преимущественно из Любека, на своих кораблях по сильно разветвленной русской системе рек вели оживленную торговлю до Новгорода на севере и до Киева глубоко на юге. Их товары прибывали из всей Германии с ее развивающейся промышленностью. В обмен они привозили домой шкуры зверей и другие ценности из российских просторов.

Такой важный проект как христианизация Курляндии происходил, конечно, при усердной поддержке Рима. Папа Иннокентий III в своей булле от 5 октября 1199 года призвал всех свободных мужчин в немецких землях к активному участию в христианизации славян. Чтобы они не уходили с пустыми руками, он пообещал им в качестве небесной награды отпущение их грехов, подобное тому, которое получали паломники в Рим.

Одним из этих мужчин был Альберт; однако, он был достаточно практичен, чтобы не довольствоваться папским одобрением. Тогдашний немецкий король Филипп Швабский пригласил Альберта в Магдебург, чтобы услышать от него о его планах. Но собравшиеся там имперские князья только частично поддерживали Филиппа, так как у Германии был еще второй король – сын Генриха Льва, и изнуряющая междоусобная борьба не оставляла места для широкомасштабной немецкой восточной политики. На этом собрании также присутствовал Вальтер фон дер Фогельвейде, самый знаменитый немецкий поэт средневековья. Устно и письменно он горько жаловался на отсутствие сильной немецкой центральной власти по прошествии блестящего времени императоров Гогенштауфенов, на бессилие Германии и на ее раздробленность, которой предстояло продлиться еще примерно семь столетий до Отто фон Бисмарка.

При отсутствии помощи императора Альберт должен был опираться главным образом на содействие немецких купцов, торговые связи которых охватывали все Балтийское море и сухопутные земли на его восточном берегу. Так как датчане тоже были заинтересованы в опорных пунктах вдоль побережья Балтийского моря, Альберт должен был удостовериться также в благосклонности короля датчан Кнуда VI.

С добрыми пожеланиями короля Кнуда Альберт в начале 1200 года на 23 кораблях покинул Любек, после того, как он и его попутчики раньше продали все свои владения и таким образом сожгли все мосты с родиной. Альберт на протяжении 29 лет, до самой смерти, действовал в Ливонии. Под его руководством Рига не только возвысилась до резиденции епископа, но также стала значительным портовым городом. С помощью многочисленных приехавших с ним из Германии ремесленников и других талантов в самое короткое время возник цветущий город.

Те немцы, которые не были связаны обетами целомудрия, женились на белокурой ливонских девушках, и из этой связи северных немцев и ливонок возникало постепенно племя балтийских немцев. Ему суждено было породить многих значительных личностей в искусстве и науке, а также знаменитых солдат и полководцев. С продолжающейся иммиграцией немецких восточных поселенцев росла и сфера действия Альберта, и после Риги он основал следующие епископства Дорпат, Курланд и Эзельвик. Теперь его духовное княжество простиралось от Рижского залива вплоть до Двины и озера Пайпус (Чудского озера).

Насильственную христианизацию и связанные с нею военные конфликты обеспечивал Орден меченосцев, который был основан в 1202 году в Риге монахом-цистерцианцем для этой цели. Альберт, один из политически значительных умов своего времени, заботился о добрососедских отношениях с жившими к востоку от него русскими. Поэтому он хотел ограничить действия братьев-меченосцев.

Филипп Швабский был настолько поражен деятельностью Альберта, что дал ему в 1207 епископство Ливония в ленное владение и возвысил его до достоинства имперского князя. На 350 лет епископы Риги должны были оставаться немецкими имперскими князьями!

Хотя Россия не была в то время политически единым государством, Альберт был достаточно умен, чтобы построить доверительные отношения со своими соседями. Для этого он отправил на Восток своего брата с ценными подарками из местных цехов ювелиров. Пока немцы уважали границы русских, чего Альберт был твердо настроен придерживаться, русские не рассматривали поселения немцев в устьях рек и расширение их государства как недружелюбный акт. Таким образом, Ревель также был построен немецкими ремесленниками при благосклонной терпимости датского короля. Как и Рига, он стал значительным членом Ганзы.

Но насколько умеренным и дальновидным был сам епископ Альберт, настолько необузданными были меченосцы. Они давали обет целомудрия, но в остальном они, поощренные амбициями папы, не боялись даже выступить против Альберта и требовать от него части его страны для их собственного государства.

Когда Альберт в 1229 году умер, он, вдали от Империи, оставил государство, становой хребет которого составляли основанные им в духе свободных немецких имперских городов: Рига, Дорпат, Ревель, Нарва, Митау, Пернау и Виндау. Они были источниками экономической силы страны с уверенным в себе бюргерством. Три политическими силами страны были епископ, горожане (бюргеры) и братья-меченосцы; и они с их немецкой склонностью к разногласиям, к сожалению, часто действовали не вместе, а друг против друга. Невыгодным для немецкого дворянства был также обет безбрачия, что влекло за собой то, что оно должно было постоянно обновляться подрастающими поколениями из Империи.

Через семь лет после смерти Альберта случилось то, что и должно было случиться: жестокое миссионерское рвение Ордена меченосцев настолько разозлило литовцев, что под Шауленем (Шауляй) меченосцы столкнулись в бою с численно превосходящей литовской армией и были почти полностью уничтожены. Немногие оставшиеся в живых присоединялись к Немецкому ордену (тевтонцам), который тоже перенес свою миссионерскую деятельность до Ливонии. После христианизации пруссов члены монашеского ордена строили замки в Кульме и Торне, Бромберге, Грауденце, Кёнигсберге и – самый знаменитый из всех: Мариенбург на Мариенвердере на Ногате. Вокруг замков образовывались города, и на покоренных землях как образец современного государственного устройства возникло знаменитое прусское орденское государство во главе с Великим магистром в качестве немецкого имперского князя.

Также Немецкий орден совершил, в конце концов, ошибку, не учитывая желаний или чувства безопасности его соседей. При его постоянном продвижении вперед на восток, от Нарвы до Новгорода и Пскова, было неизбежно, что однажды дошло до кровавого столкновения.

Это произошло 5 апреля 1242 на еще примерзшей ледяной равнине Чудского озера: Впервые в истории немецкая и русская армия противостояли друг другу. Младший брат Альберта Герман возглавлял маленькое немецкое рыцарское войско; русскими командовал их двадцатилетний герой войны Александр Невский, который уже в 1240 году победил шведские войска на севере. Яростная битва оставила после себя залитое кровью озеро. Маленькая армия

Ордена была побеждена, русские потащили рыцарей, привязанных к десяти конским хвостам, за собой к Пскову. Четыре года спустя Александр также разбил продвигавшихся с юга на Новгород литовцев.

Все же, за это время намного более зловещая опасность для его государства концентрировалась далеко на Востоке.

Часть 3: Монгольские бури потрясают Россию

Во главе с их вождем Темучжином, взявшим себе в будущем имя Чингисхан, подвижные, скованные железной дисциплиной и в равной степени презирующие смерть и сражающиеся с безжалостной храбростью войска устремились через Волгу и Дон сначала до Азовского моря, где они уничтожили первую русскую армию.

После смерти Чингисхана его сын Угедей возглавил страну, которая тянулась от Китая до Далмации на Средиземное море. Его племянник Бату (Батый) со 120 тысячами всадников собрался захватить также Москву. Противостоявшее ему войско во главе с князем Юрием II было уничтожено до последнего человека. Также оставшийся в Москве слабый гарнизон, парализованный страхом в ожидании прихода монгольских конных орд, был разгромлен и перебит самым жестоким образом. В своей животной дикости монголы бросили оставшихся в живых побежденных под доски и под свою музыку танцевали на них так долго, пока раздавленные не испустили дух. Женщин и девушек насиловали; тех, кто пережили издевательства, завоеватели продавали работорговцам – они мыслили практически: С мешками полных веревок работорговцам позволили следовать за войсками. (Иосиф Сталин и Илья Эренбург велели своим ловцам людей заниматься тем же самым делом).

Только монгольский поход против богатого Новгорода в 1238 году потерпел неудачу на восточном склоне Валдайской возвышенности, где монгольские лошади почти по брюхо тонули в грязи русской оттепели. После этой неудачи кавалерийские толпы повернули на юг; 6 декабря они штурмом взяли Киев, где они убили почти все 60 000 жителей и разрушили до основания их дома. Только после кровавой битвы при Легнице, где 9 апреля 1241 немецкая рыцарская армия противостояла азиатским агрессорам, монгольская буря приостановилась. Рыцарская армия хоть и была разбита, но смерть Угедея, которого отравила мстящая любовница, заставила Бату повернуть свои войска назад на Восток.

Монголы, назвавшиеся Золотой ордой, при всей их примитивности и жестокости были толковыми администраторами захваченных ими территорий. С помощью строго организованного штата чиновников они умели принуждать покоренные народы к выплате большой дани. Как и наши сегодняшние завоеватели, которые довели это до совершенства, их властители не представляли сами как эксплуататоры, а предоставляли взыскание дани их местным «повелителям». То, что эти последние лакейским способом при этом тоже лично наживались, было для монгольских правителей совершенно в порядке, лишь бы требуемая дань приходила в полном объеме. Постоянно подкарауливающая опасность лишиться головы при несоблюдении возложенных на них их «освободителями» обязанностей, гарантировала безостановочный поток требуемой дани. Также с уважением церквей и духовенства азиаты продемонстрировали свою умную стратегию. Они даже содействовали церковной деятельности, дабы церковь воспитывала народ в покорности и богобоязненности, чтобы этот народ в результате безвольно слушался нового господина.

Наряду со свободомыслием уверенных в себе граждан Новгорода и наряду с византийским авторитетом из Киева теперь появилась и третья формирующая сила русской сущности: азиатский деспотизм монголов. Русские князья рассматривались ими только лишь как покорные пособники, которые получали свою землю как лен от правящего хана, и которых терпели, лишь пока они оставались в рабской покорности.

Православное духовенство, которое так прибыльно договорилось с новыми господами, позже считало себя вынужденным подобрать для себя новых дьяволов. Для этого им прямо-таки идеально подходили соседи на Западе. Человек, который победил этих «дьяволов» на Чудском озере, полностью соответствовал их желаниям. Неудивительно, что также его возвысили до святого и народного героя в ожидании, что он покорится директивам православных священников. Во время «стояния в Каноссе», которого от него потребовал могущественный хан в Сарае, Александр Невский склонил свою голову перед Бату, чтобы стать самым преданным вассалом хана, что, собственно, оказалось весьма выгодным и для самого Александра.

Младший брат Александра и его наследник Ярослав даже хотел еще превзойти Александра в преданности и через жестокие законы. Но в его стремлении ограничить свободу немецких купцов в Новгороде и, наконец, вообще выгнать их из страны, он неожиданно столкнулся с сопротивлением хана. Хан понимал значение немецкой торговли в его сфере власти и лаконично приказал Ярославу: «Открой немецкому гостю дорогу в твою страну!»

Только далекий потомок Александра, Дмитрий Донской решился вызвать монголов на бой. В 1380 году он разбил их войско на Куликовом поле, в 250 км к югу от Москвы. Ему не удалось сломить их власть. Но все-таки он доказал, что также они не были непобедимы.

Часть 4: Возвышение к великой державе под двуглавым орлом

Иван III, назвавший сам себя наследником цезарей под новым титулом «Царь», был политическим деятелем, махинации которого могут считаться предшественником ставшей столь распространенной в наше время политической методики – он был мастером в изобретении моральных мотивов, сокрытия, дезинформации и подрывной деятельности. Осуществляя свои грабительские походы, он еще не говорил о «правах человека» и «демократии», зато много вещал о «сохранении мира» или «объединении его отцовского наследия».

После своевременной смерти при таинственных обстоятельствах его первой жены, Иван был свободен, чтобы сочетаться браком с принцессой Софьей, племянницей Константина XI, последнего императора Византии, погибшего в 1453 году при защите своего дворца. Брак с Софьей подарил ему 9 детей и вместе с символом византийского двуглавого орла претензию на мировое господство.

Благодаря своим широким политическими связям, Софья побудила немецкого рыцаря Поппеля как посланца императора Фридриха III к посещению Москвы летом 1486 года. Этот визит должен был положить конец изоляции России от остального мира, вызванной 250 годами монгольского господства. Предложенный Поппелем брак между курфюрстом Саксонии или Бранденбурга и дочерью царя не нашел сначала взаимной симпатии Ивана, который ко всем иностранцам относился с недоверием. Он знал только два понятия: покорять или быть покоренным.

Тем не менее, год спустя Иван передумал и послал грека Траханиота, одного из дипломатов Софьи, в Германию, чтобы нанять немецких мастеров и специалистов для его горнодобывающей промышленности и производства вооружения. И они приехали. Также немецкий врач рискнул присоединиться к этой группе, хотя он должен был бы знать, что врачи во дворе Ивана страдали от необычайно высокой смертности. У Ивана была традиция при каждом неудавшемся лечении приказывать либо обезглавить несчастного врача, либо в более мягких случаях бросить его в тюрьму.

Тем не менее, немецкие ремесленники и дальше пользовались большим спросом и нанимались Иваном в больших количествах. В конце концов, они образовали с другими немцами в Москве свой собственный район, «Немецкую слободу», немецкий пригород. Многие из них своими заслугами добились большого уважения. Только немецкий врач, который по приказанию Ивана должен был вылечить неизлечимо больного татарского князя, после неудачного лечения был хладнокровно передан Иваном татарам с замечанием, что они, мол, могут пытаться его до смерти, как им захочется. Чем они и воспользовались.

Подчинения оставшихся русских уездных княжеств и нейтрализации Золотой орды было недостаточно для властителя под двуглавым орлом. Теперь его внимание направилось на самый богатый город России, где немцы и русские жили в плодотворном симбиозе, и где гражданское самоуважение резко контрастировало с рабской покорностью нового русского человека: Новгород следовало либо покорить, либо стереть с лица земли!

Так как Иван, как и большинство правителей, нуждался в деньгах, он сначала наложил на Новгород дань, которая в три раза превышала ту, что город когда-либо платил Золотой орде. Когда немцы стали возражать против этого акта произвола, Иван дал им обоснование, сказав, что они, мол, не христиане. Он приказал разграбить их церковь Святого Петра и конфисковать их товары. Благодаря своим агентам, Иван смог умело создать искусственные беспорядки в городе, которые дали ему затем предлог войти в город со своими солдатами якобы в роли «спасителя».

В мае 1471 года Иван нанес новый удар по ненавистному Новгороду. Целью было отрезать город как от глубокого тыла, так и от Балтийского моря. Во время приближения к Новгороду он приказал все сжигать, угонять скот, убивать людей или угонять их как добычу. Новгородцы, которые были больше купцами, чем воинами, были не в состоянии оказать ему серьезное сопротивление. И обещанная королем Польши помощь не пришла.

Иван учился у монголов. Он приказал обезглавить всех руководителей своих противников. Пленным он приказал отрезать носы и губы. После его «мирного диктата» он приказал доставить схваченных его агентами противников в цепях в Москву. Он лишил граждан их имущества, приказав сложить все их вещи на повозки и отвезти в Москву.

В новом походе против города в октябре 1477 года он снова бушевал с привычной жестокостью. На руинах города он приказал соорудить пирамиды из

отрубленных голов. Угнанных в Москву он бросил изнемогать в тюрьмы, а околевших там перерабатывать в корм для рыбы.

Два года спустя, в январе 1480 года, его шпионы все еще разоблачали людей, которые не были достаточно покорны ему. Он приказал схватить примерно сто мужчин и утопить их подо льдом в реке Волхов. Их жен и дочерей он повелел продать как рабынь.

После всех этих ударов от когда-то цветущего города уже мало что осталось. Из старых новгородских семей там остались жить только немцы. Также они были заключены в тюрьму в 1495 году, их имущество было конфисковано. Только когда Ивану стало ясно, что ему нужны связи немцев для торговли на Балтике, он некоторым из них вернул их имущество.

При Иване абсолютная деспотия достигла совершенства. Слова «свобода» или «достоинство» больше не существовали. Все русские были частью новой иерархии, рабами на промежуточных ступенях, где у подчиненных были, в свою очередь, их собственные рабы. Для нравственно так растоптанных людей оставались только лишь водка и молитва. Попы в позолоченных церквях представляли им их жалкое существование как нечто богоугодное. Побои, истязания, эксплуатация становились такими же всеобщими, как коррупция, неспособность, лень и халтура, как небо от земли отличающиеся от чувства свободы и аккуратности германского человека.

Часть 5: Также Иван Грозный нуждается в немцах

Внуком Ивана III был Иван IV (1530-1584). Народ дал ему имя Грозный, что означало и «строгий», и также «ужасный». Уже в нежном младенчестве в возрасте трех с половиной лет он стал владыкой страны. Его преступлениям суждено было превзойти преступления его деда. Еще ребенком он демонстрировал склонность к садизму, калеча маленьких домашних животных. В возрасте 11 лет он изнасиловал служанку, а спустя два года бросил своего воспитателя в клетку со своими легавыми собаками, которые продемонстрировали свое послушание и растерзали человека.

Позже он доставлял себе удовольствие, когда вместе с воюющей свитой хватал девушек на улицах Москвы и насиловал их. Чтобы сдержать дикие поступки к тому времени уже шестнадцатилетнего Ивана, митрополит решил дать ему совет устроить смотрины невест. Больше тысячи девственных дочерей пришли, чтобы найти милость в глазах Ивана – кто уклонялся от такого смотра, должен был считаться с тяжелыми наказаниями. Избранная им Анастасия Романова

происходила из боярского рода, из которого 70 лет спустя выйдет царская династия Романовых.

Вскоре после проведенной с большой пышностью коронации Ивана на царство в 1547 году пожар уничтожил столицу. Суеверный народ видел в бабушке Ивана причину горячего сухого лета и разрушения города. Массы людей собрались в толпы во главе со своими предводителями, чтобы штурмовать Кремль и схватить старую женщину. Иван быстро принял решение ловить подстрекателей и обезглавливать их на Лобном месте перед Спасскими воротами. Покорный начальству, народ в результате этого жеста успокоился и разошелся, чтобы избежать такой же судьбы.

К загадочной сущности этого странного и противоречивого монарха относится то, что он был не только чудовищем в человеческом облике, но также и действительно выдающимся государственным деятелем. Он провел судебную реформу и, чтобы придать своим войскам большую эффективность, также реформу армии. Так же, как и его дед, он получал необходимых для этого специалистов из Германии. С его реорганизованной и по-современному вооруженной армией ему удалось в 1552 году разбить казанских монголов, а двумя годами позже взять Астрахань. После этих побед он приказал в благодарность на краю Красной Площади напротив Спасских ворот построить Собор Василия Блаженного с девятью куполами, до сегодняшнего дня самый знаменитый символ Москвы.

После смерти его первых детей и утопления его молодого престолонаследника Дмитрия демоническая природа Ивана снова прорвалась наружу. Он принялся создавать слепо преданную лично ему гвардию, Опричнину, заданием которой должно было отслеживать и уничтожать предателей и всех возможных врагов. Происки этой ставшей значительной силой в государстве организации, члены которой скакали на черных лошадях, прицепив к ним как символы собачью голову и метлу, обнаруживают черты, подобные будущим большевистским ГПУ и НКВД. Это были шпики и провокаторы, которые подслушивали всех и каждого, чтобы отслеживать людей, которые были хоть чуть-чуть не расположены к тирании Ивана. Опричнина насчитывала, в конце концов, 10 000 человек, в значительной степени чистых преступников, которые составляли удивительно жестокий инструмент власти Ивана.

Сразу после смерти его жены Анастасии, еще до того, как она была похоронена, Иван претендовал на руку польской принцессы Екатерины (Катаржины), сестры короля Сигизмунда-Августа.

Поляки развились из сначала тонкого господствующего слоя, который управлял покоренными славянскими племенами. Пока они в постоянных военных походах стремились к все новой славе, большая масса зависимых крестьян тяжелым барщинным трудом должна была обрабатывать пашни их феодалов. Из бывшего когда-то вассальным владением немецких императоров и королей маленького герцогства благодаря искусной политике династических браков за несколько сотен лет развилась расширяющаяся великая держава. Король Сигизмунд контролировал часть русских водных путей и удерживал несколько значительных русских городов, среди прочих, Витебск и Гомель. Кроме того, с помощью сотрудничества с монголами он пытался взять в клещи царство Ивана.

У желания Ивана жениться на сестре короля были очень серьезные причины. Но условия польского короля ни в коем случае не были Ивану по вкусу: Как вознаграждение он должен был уступить полякам города Новгород, Псков и Смоленск вместе с окружающими их землями. Он выпустил свою ярость от этого наглого притязания на невинных, которым не повезло столкнуться с ним в этом настроении. Отрубание головы было еще сравнительно мягким наказанием. Удушение, распиливание или поджаривание живьем на вертеле были его «утонченными» методами.

Утешения церкви, колокольный звон или собственное музицирование и пение его мощным голосом довольно долго занимали Ивана, прежде чем в августе 1561 года он решился жениться на черкешенке Марии, сестре одного из наихудших преступников его Опричнины. Она подарила ему сына и после этого смогла навсегда исчезнуть в тереме, женском доме.

Характерно для расколотов личности Ивана почти параллельно с его эксцессами русские по его приказу овладели могущественными Уральскими горами. Несмотря на свой большой интерес к личному обогащению он показал замечательную проницательность относительно экономических возможностей скрытых в горной цепи длиной 3170 км сокровищ. Для геологических работ и добычи ископаемых собрали и отправили уже известных с самой лучшей стороны высококвалифицированных немецких рабочих, штейгеров, забойщиков и всех иных мастеров. С помощью этих немцев более сотни городов и местечек вскоре появились на Урале.

Насколько дальновиден был Иван в экономических вопросах, настолько грандиозны были и его геополитические планы. Его, не имеющему выхода к морю государству, был необходим доступ к морю. Волга с ее притоками связывала север России с Востоком. Так как царь по воле Бога был предопределен стать властителем мира, больше не требовалось искать

оправданий для постоянных захватов и расширения русского государства на восток. Логично, что то же самое распространилось и на жесткую и настойчивую борьбу правителей России за овладение или контроль балтийскими портами в Рижском заливе и вокруг Финского залива.

Курляндия, Ливония и Эстляндия были в то время зажаты между чужими державами. Немцы составляли в них несущий культуру слой. В этих землях реформация победила быстрее, чем в других местах. Уже в 1522 году, вскоре после того, как Лютер опубликовал свои «95 тезисов», Рига стала протестантским городом. Скоро и вся Ливония стала протестантской, и песни в церквях пелись на нижненемецком языке. Латышского или эстонского литературного языка тогда еще не было; их только разрабатывали немецкие священнослужители!

Из-за слабости и раздробленности Империи эти люди, оказавшись в беде, не могли ожидать помощи от германского императора. Поэтому им пришлось позаботиться о том, чтобы своими силами и с большими уступками Польше, Швеции или Дании предотвратить свое присоединение к России. Но прошло немного времени, пока аппетит Ивана не заставил после всех своих прежних захватов начать также наступление против балтийских портов. Сначала в 1563 году он отомстил королю Сигизмунду и изгнал поляков из Полоцка. Все же, прежде чем он продолжил свой марш к побережью Балтийского моря, он внезапно вернулся в Москву, где провел кровавую волну чисток среди священников и чиновников.

После смерти второй жены Ивана и после депрессий, которые заставили его даже спрашивать английскую королеву о возможности получения убежища, он для разнообразия снова захотел провести карательную экспедицию против когда-то такого гордого Новгорода. Его все еще раздражал свежий воздух этого города с открытыми окнами на запад, и общительность и широта интересов его граждан. Его царство должно было существовать за запертыми стенами, отрезанное от остального мира.

Свой карательный поход он проводил с привычной беспощадностью. Все люди, о которых ему сообщали как о подозрительных, прежде всего, немцы, которые жили и работали там купцами, докторами или ремесленниками, по его приказу были загнаны на лед Волхова, где была пробита большая прорубь, после чего их с помощью жердей затолкали в воду под лед. В самом Новгороде он приказал резать, сжигать жителей, или сгонять их, сцеплять оковами по несколько человек, а потом обливать их изобретенным лично им горючим

составом, и горящими, привязанными к лошадям, таскать их по льду озера Ильмень.

После того, как его третья жена умерла вскоре после свадьбы, он приказал посадить на острый кол брата его второй жены, которого он обвинил в отравлении, и еще несколько жертв, при этом кол пробивал человека от нижней части живота до глотки. В целом у Ивана было девять жен, это значит, что он на одну жену даже превзошел английского короля Генриха VIII! Пятую жену Иван приказал привязать к диким лошадям и утащить в пруд для разведения рыбы, где она и утонула. После этого один английский дипломат сообщал своей королеве: «Много жертв умирает в этих прудах. Рыбы из них считаются лакомством на царском столе».

Разрушение Немецкого ордена и борьба между соперничающими немецкими группировками облегчили жадному правителю нападение на брошенные Германской империей на произвол судьбы прекрасные города. Его первыми жертвами стали Дорпат, Нарва и Феллин. Их оставшихся в живых граждан он приказал вывезти внутрь России. Пленные члены рыцарского ордена были обезглавлены на Красной Площади. Магистр ордена Вильгельм фон Фюрстенберг умер храбрым и несломленным в тюрьме, как последний свидетель рыцарской традиции.

Ревель и Рига выдержали осаду. В маленьких городах, которые были осаждены и взяты русскими войсками, Иван приказал своим военным насиловать немецких женщин и девушек. Мужчины были депортированы на восток, и Иван нажился всеми доставшимися ему украшениями и серебром из немецких домов.

Иван столкнулся, в конце концов, с серьезным противником в виде польского короля Стефана Батория, который в своем письме Ивану охарактеризовал того весьма нелестными словами: «Кто же ты... Ты – палач своего народа! Ты, византийский двуглавый орел, прячешься, как только появляются враги! Покажи же хоть раз мужество и выйди на поединок!»

Вместо того чтобы последовать этому малоприятному для него требованию, Иван нагло попросил у английской королевы Елизаветы поддержки английского флота, чтобы прогнать поляков из Ливонии. После ее отказа он в ярости приказал казнить несколько тысяч его безуспешно сражающихся солдат. В качестве умного шахматного хода он хотел взять себе в качестве девятой жены (с восьмой он еще не развелся) племянницу Елизаветы Мэри Гастингс. Все же, уже тридцатилетняя рябая Мэри, хотя и не совсем привлекательная невеста, не показала честолюбия разделить судьбу прежних жен Ивана.

Иван очень беспокоился о достойном наследнике для своей державы. Но Иван железным посохом убил царевича, который однажды упрекнул отца за его буйства. Остался только слабоумный Федор. Еще один сын, Дмитрий (Димитрий), которого подарила ему его восьмая жена, и о котором позже еще будет сказано, дожил только до восьми лет. Когда Иван 18 марта 1584 года умер от внутреннего гниения, колокола звенели целыми днями, и народ устремлялся толпами издалека, чтобы оплакивать царя, данного ему от Бога!

Этот путанный, непредсказуемый, бесчеловечный деспот оставил после себя империю, территория которой удвоилась, а торговля, промышленность и политическая программа которой предвещали будущую мировую державу.

Часть 6: Борис Годунов и Лжедмитрий

Уже за сто лет до западной ориентации Петра Великого и его усилий относительно импорта знаний и образования из Германии, в лице Бориса Годунова появился царь, который, хоть и был татарского происхождения и даже неграмотным, первым создавал школы и посылал одаренных молодых русских учиться в немецкие университеты. Борис, центральная фигура в грандиозной опере Мусоргского, благодаря удачному браку поднялся до властителя всея Руси. Но у этого хорошо выглядевшего, ловкого и, прежде всего, также успешного во внешней политике карьериста были опасные завистники среди князей, которые искали способ устранить его. Случай для этого неожиданно представился, когда стало известно о воспитанном иезуитами в Польше сыне Ивана Грозного, которого уже давно объявили мертвым.

Германский император Рудольф II передал Борису предупреждение, что поляки с недавно сформированной большой армией намереваются напасть на Россию. Во главе этой армии они с хитрым расчетом поставили вышеупомянутого Дмитрия, таинственным образом снова внезапно появившегося младшего сына Ивана Грозного. Хотя это никогда не было прояснено в точности, но можно с большой вероятностью предположить, что Лжедмитрий был рафинированным продуктом из реторты ядовитой кухни иезуитов. Он был хорошо ознакомлен со всеми подробностями православного вероучения и даже во всем своем поведении производил впечатление подлинности. Папа Климент VIII даже – как позже удалось доказать – лично проверил его в Риме, чтобы этим гениальным ходом привести миллионы русских православных снова в лоно матери-церкви – добровольно, а в крайнем случае, и «огнем и мечом».

Перед польской армией были отправлены обученные агенты, руководимые польскими иезуитами. Очень умело в психологическом отношении они

распространяли слухи о царе: что, мол, Борис – убийца, и еще многое другое, чтобы подорвать уважение к нему в народе и подготовить его падение. Возникший из-за длительной засухи и неурожая голод заставил суеверный народ ожидать Дмитрия как посланного небом спасителя от нужды.

Против этой подрывной деятельности даже самые убедительные аргументы царя оказались бессильными – он был убит. Но его смерть стала для народа роковой. Порой исключительно хорошо играющий свою роль Лжедмитрий 30 июля 1605 года был коронован на нового царя. Предназначенная ему в царицы польская дворянка Марина, дочь влиятельного при польском дворе и еще более продувного Юрия Мнишека, заставляла его дрожать от нетерпения и уступать все новым требованиям ее отца. Одним из его условий к браку было согласие Дмитрия уступить Новгород и Псков и – право всюду в русских землях создавать католические церкви!

После прежнего опыта с монгольским террором русские познакомились теперь с поляками, которые вели себя в Москве как господа, сбивали пешеходов и угоняли девушек в свои бордели. Они оскверняли православные церкви русских, разбивали иконы, кормили своих собак перед алтарями и принуждали монахов и монахинь, чтобы те превращали свои церковные хоралы в непристойности. В это время в подполье зрело сопротивление.

Тлеющая ненависть жителей вспыхнула в бойне животного насилия. Вооруженные только топорами и другим примитивным оружием, но полные безграничной ярости, москвиты 17 мая 1606 года под звон тысяч колоколов напали на поляков. В то же самое время князь Шуйский с несколькими сотнями бояр проник в Кремль, где вся охрана была уничтожена. Убегающий по коридорам царь, спасаясь от беды, выпрыгнул из окна и остался лежать без сознания на земле. Мятежники до смерти замучили его варварским способом, затем сожгли его труп и выстрелили пеплом из пушки в направлении Польши.

Князь Шуйский стал новым царем. Уже через четыре года он утратил свой престол в результате нового польского вторжения. Поляки для своей новой захватнической войны подготовили и второго Дмитрия, который снова выдавал себя за законного наследника царя. Хотя он и нашел поверивших в него приверженцев среди простого народа, поляки бросили его поддерживать вскоре после того, как обосновались в Москве и скромно объявили, что вся Россия – это часть польской державы, а король Польши – царь, данный русским людям Богом!

Эта эпоха, названная русскими «Смутным временем», дала многим, как русским, так и немецким писателям, драматургам и композиторам богатый материал, например Пушкину, Мусоргскому, Римскому-Корсакову, а в Германии Шиллеру, Геббелю и Вальтеру Флексу. Все же, наихудшее время, так называемое польское время, русским только предстояло. Поляки в своей надменности, вели себя как намного превосходящие русских. Поддержанные послушными оппортунистами среди русских дворян – этот сорт, кажется, неискореним как мухи – они с жестокостью и презрением вели себя по отношению к русскому народу.

И снова простые люди положили конец польскому фантому, и первыми среди них были женщины, которые без организации, без планирования, стихийно со стиральными досками, топорами и ножами набросились на польских мучителей. Их поступок стал сигналом для всеобщего восстания, которое оказалось абсолютно неожиданным для поляков. Окруженные в Кремле поляки мучились от голода, съев всех коней, они принялись есть даже своих собственных мертвецов. Посланная польским королем армия для их спасения была в 1612 году разбита русскими под Можайском. Польской мечте, рожденной из мании величия, пришел конец!

21 февраля 1613 года русские высокопоставленные лица посадили на царский трон тогда лишь 16-летнего Михаэля Романова, предки которого в 1280 году иммигрировали из Пруссии, и отец которого был наивысшей духовной инстанцией в России. Со смертью сына Ивана Грозного Фёдора династия Рюриковичей прервалась в 1598 году. Молодой царь Михаил, первый из дома Романовых, принял 19 августа 1634 года Голштинское посольство под руководством Адама Олеария («маслобойщика») в Кремле. Аудиенция была облегчена благодаря руководителю переводческого отдела, немцу-полиглоту Гансу Хельмсу, который пользовался большим уважением при царском дворе. Богатство и роскошь русского двора произвели сильное впечатление на немцев. Один только изготовленный нюрнбергским ювелиром Цинкгрэффом царский трон с его 800 фунтами серебра, золотыми орлами и многими другими ценными отделками представлял собой бесценное сокровище.

Олеарий осенью 1633 года с экспедицией численностью в 34 человека, которую финансировал герцог Фридрих III Гольштейн-Готторпский, отправился из бухты Шляй в Москву. Но задолго до этой важной для более поздних немецко-русских отношений поездки еще весной 1517 года состоялась другая, почти преданная забвению поездка человека по имени Сигизмунд фон Герберштейн, который с запада заново открыл в значительной степени все еще изолированную Россию. Герберштейн по поручению императора Максимилиана I должен был

попытаться привлечь русского великого князя как союзника против общего врага, турок, угрожавших Вене с юга, а также против непредсказуемых поляков. Из его собранных с необычными трудностями впечатлений появилось первое подробное описание России, ее географии, истории, ее многоязычных народов, ее правовой системы и ее транспортных связей.

Олеарий, сын портного из Ашерслебена, был философом и математиком. Его добросовестность и основательность помогли ему создать обширное произведение, бесценную русскую летопись, на богато проиллюстрированных 800 страницах. Умный, образованный герцог Фридрих, который уже тогда готовил планы для строительства Кильского канала, дал посольству приказ разведать пути сообщения России и климат, и помимо этого возможности для торговых договоров. К посольству принадлежали, кроме всего прочего, правовед Филипп Крузе из Эйслебена, известный под именем Крузиус, гамбургский купец и экономический эксперт Бругхманн, а также придворный врач герцога доктор Сьубелист, слава которого проникла уже до Москвы.

Их первой остановкой была Рига, которая с 1621 года принадлежала Швеции, хотя по-прежнему оставалась почти чисто немецким городом. Горожане приветствовали шведов как настоящих освободителей, после того, как поляки во время своей оккупации после первоначального обещания свободы вероисповедания попытались самыми жестокими средствами искоренить лютеранскую веру и немецкую культуру.

Их следующей остановкой был Дорпат, старый епископский город, где в шведском университете преподавали преимущественно немецкие профессора, теологи, философы и медики. К своему удивлению они узнали, что здесь, около Чудского озера все еще разговаривали на нижненемецком диалекте, как у них дома в кильских фьордах. По пути в Новгород они неоднократно встречали немецких ландскнехтов, в том числе также немецких офицеров, которые служили у русских при обороне от польских агрессоров.

Поездка немцев продолжалась в целом семь лет, за это время они посетили все русские города. Они даже построили по планам капитана Кордеса специально сконструированное для Волги низкое и широкое трехмачтовое судно, которое они называли именем своего суверена Фридриха. Они вызвали большой интерес, когда, не испугавшись историй о грабящих и убивающих казаках, добрались до Астрахани, к Каспийскому морю и потом попали в Персию.

Благодаря своим знаниям и доказанным на деле талантам, Олеарий получил предложение стать придворным астрономом и придворным картографом, а в

дальнейшем построить обсерваторию, провести картографические измерения страны и составить соответствующий атлас. Он охотно взял бы на себя такое задание; все же, ввиду темной тупости придворной знати, для которой все естественные науки было порождением дьявола, и для которого только богословие считалось единственно верным, он вынужден был отказаться. Слишком велика была опасность однажды быть сожженным как колдун, посаженным на кол или отравленным.

Часть 7: Россия обращается на запад

Петр I, ставший благодаря Альберту Лорцингу популярным во всех западных цивилизованных странах, был не совсем тем человеком, каким он представлен в сентиментальной арии в «Царе и плотнике». С него скорее начинается новое, тщательно запланированное и постоянное мощное расширение русского государства сразу в нескольких направлениях, главным образом, однако, к незамерзающим гаваням Балтийского моря.

Петр, позже не только из-за своего огромного роста названный Великим, был самым выдающимся правителем России. Он был первым русским, который чувствовал себя преимущественно как европеец. Его молодая и красивая мать была второй женой царя, происходила из низкого дворянства, и поэтому ее презирали главные княжеские дома Московии. К этому добавлялось полученное ею от ее приемного отца расположение к западной культуре. Она не только читала книги, что уже было подозрительно, она разучивала вместе с пастором Грегори из немецкой лютеранской общины пьесы на немецком языке. И музыкантов, которые играли на представлениях, ее муж специально для этого вызвал из немецких городов Курляндии.

После жестокого убийства матери Петр вместе со своим слабоумным сводным братом Иваном был коронован на царство. Регентство обоих детей приняла их сестра Софья, на самом деле, тем не менее, правил ее «раб» и любовник князь Голицын. Также Софья добилась того, что смогла окружить себя западной культурой. Ее трапезы сопровождались застольной музыкой, как это было привычно при дворах Дрездена или Берлина. Потому эмансипированная Софья разрешила также Петру посещать Немецкую слободу, которая была для него отображением большого мира, в которой жило большинство из примерно 18 000 проживающих в России немцев, искать контакт с живущими там людьми со всей Европы: художниками, учеными, врачами и аптекарями, ремесленниками и купцами. Немецкий врач доктор Лорентиус Блументрост, а также его сыновья, все обучавшиеся в Германии, так как университета в России еще не было, на

всю жизнь вызвали у Петра интерес к медицине. Он позже сделал одного из сыновей своим лейб-медиком.

В расположенной в стороне от Москвы маленькой деревушке, Преображенское, вдали от интригантских клик Кремля, молодой Петр основал свой собственный мир: с друзьями и приятелями из Немецкой слободы, из которых он, с большой забавой, сформировал «Потешный полк», с картографами и инженерами, строителями мостов, подрывниками, артиллеристами, преподавателями тактики и учителями фехтования.

Софья долго наблюдала за поступками Петра со снисходительной улыбкой, и считала его таким же безвредным, как и его сводного брата. Но однажды у нее открылись глаза, и она решила ликвидировать его с помощью преданных стрельцов. К его счастью Петра успели предупредить, и он смог убежать в одной ночной сорочке. После его немедленного контрудара, при котором все больше стрельцов перешли на его сторону, он приказал арестовать свою сводную сестру, постричь наголо и запереть в монастыре. Он приказал повесить ее стрельцов на дереве под окном Софьи.

Программа правления Петра обнаруживала три основных цели: основательная реформа государства внутри страны, широкий доступ на юг к Азовскому и Черному морю, и, прежде всего, прорыв к важным для связей с Европой гаваням Балтийского моря. Захват Азова произошел в начале его времени правления. Этим он в 23 года достиг своей первой цели. Прежде чем приступить к осуществлению своих планов, Петр, который всегда испытывал жажду к путешествиям и знаниям, отправился в большую учебную поездку во все значительные страны Европы.

Под скромным именем Петр Михайлов он сначала посетил немецкие, принадлежащие теперь Швеции города в Ливонии и Курляндии. В Берлине он при посредничестве курфюрстины Софии Шарлотты встретился с универсальным гением Лейбницем и со знаменитым прусским архитектором Андреасом Шлютером, строителем Берлинского замка и создателем памятника Великому курфюрсту. От Лейбница, с которым он во время второй поездки каждый день по вечерам беседовал в Бад-Пирмонте, он получил стимул к созданию современного государства. Сверх того, Лейбниц стал духовным отцом более поздней Петербургской Академии наук. Шлютер был нанят им позже для планов строительства Петербурга, тем не менее, он умер уже через год после его прибытия в новый город. После посещения Нидерландов и Англии Петр через Дрезден прибыл в Вену. Однако там его настигла весть о путче стрельцов.

4 сентября 1698 снова в Москве, где верные ему войска уже подавили бунт, он свершил жестокое возмездие. Снова перед окном монастырской кельи Софьи он приказал поставить виселицу, на которой повелел повесить 130 заговорщиков, причем он собственноручно отрубил голову нескольким стрельцам. Стрелецкие полки были расформированы, и создана абсолютно новая армия под руководством 900 иностранных офицеров, в первую очередь немцев.

После того, как Петр этим способом достиг полного контроля над страной, он мог решиться осуществить некоторые из его собственных представлений. Наряду с новыми западными сословными правилами одежды он запретил даже длинные бороды, без которых до тех пор нельзя было даже и представить себе настоящего русского. Жены не могли дольше как объект желания их мужей оставаться запертыми в теремах. Наряду со многими личными прихотями, как например, его пристрастием лично вырывать зубы людям с опухшей щекой или отрезать бороды у сопротивляющихся, он с большой энергией принялся за административную реформу в России, причем неспособных или продажных чиновников он незамедлительно ссылал в Сибирь.

Его культурные достижения состояли в основании первого общественного театра в Москве и в закупке и переводе на русский язык научных, философских и художественных книг из стран Центральной Европы. За огромное жалование он пригласил немецкого театрального режиссера Иоганна Кунста из Данцига в Кремль и разрешил ему сразу привезти с собой его актеров и музыкантов как фундамент для Московского ансамбля. Там представлялись сначала немецкие комедии и комические оперы, или также переводились с других языков на немецкий язык.

Так как Москва, так сказать, была для него символом русской отсталости, и означала наряду со священными традициями также коррупцию, хозяйничанье клик, интригантство, лень и продажность, у него возникло стремление создать абсолютно новый город по своим представлениям, открытый для всего мира и в то же время транспортный узел между морем и большой системой русских рек: Санкт-Петербург, названный его именем! Проблема состояла в том, что он совсем не владел этой территорией. Прибалтика после Тридцатилетней войны была в руках шведов. Если Германская империя была сильно разрушена и ослаблена этой войной, потеряла половину своего населения и бессильная лежала в руинах, то Швеция без малейших разрушений значительно расширила свои территории вдоль Балтийского моря.

В результате длившейся 21 год войны Петру в союзе с Польшей и Данией удалось победить шведов. Немцы, которым когда-то принадлежали земли на

Балтике, были вынуждены после вызванного немецким партикуляризмом заката Ордена и Ганзы бороться на шведской стороне против русских, в рядах которых тоже были немцы! Две трети из всех шведских офицеров были немцами еще из старых семей членов рыцарского ордена. Каждый третий из них погиб!

Сначала русские захватили Нарву, Дорпат и Мариенбург. Лишь в 1710 году пали также Рига и Ревель. Тем не менее, Петр знал значение этих немецко-балтийских городов. Он возвратил землевладельцам их земли и подтвердил прежние привилегии горожан, а также их городское самоуправление и евангелическо-лютеранскую церковь. В то время как немцы составляли здесь верхние сословия, широкое сельское население состояло преимущественно из эстонцев, латышей и литовцев. Более поздняя императрица России, Екатерина I, которую тогда еще звали Мартой, происходила из этих кругов. Она выросла как служанка у пастора Эрнста Глюка в Мариенбурге, где она, как и все жители основанного немцами города, говорила по-немецки.

Когда русские получили в 1702 этот город и захватили богатую добычу, они потом испепелили город, а пастора Глюка с его семьей в толпе беженцев также угнали в Россию. Только Марту, которая уже рано наряду с приветливым характером обладала особенным физическим обаянием, удерживали в лагере русского полководца, очень богатого генерала Шереметьева. Все же, когда еще более могущественный князь Меншиков обнаружил Марту во время своего посещения лагеря генерала, тот посчитал себя вынужденным уступить ее князю. А когда Петр заметил ее при посещении и был сразу же пленен ею, также князю не оставалось никакого другого выбора, кроме как предоставить ее царю. К восхищению Петра Марта, обученная, вероятно, Меншиковым, отличалась помимо прочего, и тем, что могла много пить, не пьянея. И скоро он уже без опасений стал встречаться также публично со своей любимой фавориткой.

Для успокоения русского народа и духовенства Петр позволил родившейся католичкой, а потом конфирмованной в лютеранство Марте перекреститься в православие. Хотя она на протяжении всей своей жизни так и не смогла избавиться от немецкого акцента, теперь рассматривалась как настоящая русская царица Екатерина Алексеевна. Живя среди вероломных клик во дворе, удивительно, что одной из основных черт Екатерины было то, что она никогда не теряла чувства благодарности по отношению к людям, которые сделали ей добро. Как только стало возможным, она привезла в Москву семью пастора Глюка, которая потеряла все в Мариенбурге. Высокообразованный пастор получил задание заняться созданием системы народного образования и переводить книги с нескольких языков на русский язык. Также она

позаботилась о его сыне и его дочери. Сын стал камергером в Министерстве финансов, и дочь, как ее придворная дама, благодаря поддержке Екатерины вышла замуж за уважаемого адмирала. Петр жил вместе с Екатериной 10 лет, прежде чем он официально сочетался браком с нею. Прошло 20 лет, пока она вступила на трон как Екатерина I. Она родила Петру в целом 8 детей, частично до, частично после свадьбы. Только двое из них выжили: Анна, которая позже стала герцогиней Голштинии, и Елизавета, в будущем царица Елизавета I.

Не могло не случиться так, что Екатерина из-за ее прекрасной, роскошной фигуры привлекала внимание также других мужчин при дворе. В ноябре 1724 года Петр поймал ее в неловкой ситуации с одним придворным; несчастного звали Вильгельм Монс. Мечь Петра была страшна. Монс вытерпел пытку после его тюремного заключения, не сказав ни слова, которое могло бы быть использовано для обвинения императрицы. Петр заставил Екатерину во время его обезглавливания стоять рядом с ним. Когда вечером она захотела идти спать, она к своему ужасу в свете свечей обнаружила заспиртованную в стеклянном сосуде голову ее любовника. Только спустя несколько недель Петр по ее умоляющим просьбам позволил ей отправить голову Вильгельма Монса в только что основанную Академию наук, где ее еще долго выставляли напоказ.

Часть 8: Престолонаследник убегает от своего отца

Если первая поездка Петра по Европе служила его ненасытной жажде образования и голоду к знаниям молодого человека, то вторая его поездка, состоявшаяся примерно на 20 лет позже, была больше направлена на то, чтобы в качестве государственного деятеля разведывать возможности и ограничения своей внешней политики. Швеция, молодой король которой Карл XII был смелым воином, но неловким дипломатом, не знавшим меры, изолировалась все больше и больше. Ее соседи принялись отбирать себе самые жирные куски из прежней большой сферы власти шведов. Наряду с Польшей, ее заклятым врагом, в этом принимали участие также датчане и герцог Мекленбурга-Шверина. Тем не менее, Петр установил особенно тесный контакт с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I, «Солдатским королем».

У прусского короля было пристрастие к «длинным парням». Петр и Фридрих Вильгельм встречались в целом семь раз. При каждом посещении прусского двора Петр приводил с собой по несколько роскошных экземпляров из местной породы, в целом он преподнес королю 248 этих великанов. Несколько более крепка была поддержка Петром Пруссии в ее желании отобрать у шведов Переднюю Померанию, главную часть Померании с Грейфсвальдом, одним из

старейших немецких университетов, в котором в будущем одно время действовал также немецкий герольд свободы Эрнст Мориц Арндт, и Штеттином, который также поляки охотно забрали бы уже в те времена в своей ненасытной жадности к новым и новым территориальным приобретениям.

После того, как Ливония и Эстония были уже твердо в его руках, Петр хотел получить еще большее влияние на южном побережье Балтийского моря. При этом его политика династических браков должна была поддерживать его не сдерживаемые никакими моральными ограничениями агрессивные планы. Он женил своего старшего сына на Брауншвейгской принцессе, золовке германского императора. Также обе дочери его малоразвитого брата должны были подчиниться его планам. Для своей собственной дочери он запланировал брак с принцем Голштинии Карлом-Фридрихом, хотя оба были еще детьми. Его запланированная на долгий срок политика должна была вместе с тем предоставить ему доступ к Кильской гавани. Голштиния с запланированным соединительным каналом как транспортный узел и перевалочная база между Северным морем и Балтийским морем была для него идеальной стратегической позицией.

В дополнение своей политики с позиции силы Петр с 1711 года приказал русской армии пройти через Северную Германию, якобы чтобы прогнать шведов с еще не освобожденных ими позиций. Возглавляемые корыстолюбивым маршалом князем Меншиковым русские солдаты стали истинным бичом для немецкого населения, которое все еще тяжело страдало от последствий Тридцатилетней войны. Все же, у присутствия ставшей тяжелым бременем для местных деревень русской армии была простая «законная основа»: герцог Карл-Леопольд фон Мекленбург-Шверин женился на племяннице царя Екатерине Ивановне и попросил русских, чтобы они помогли ему в борьбе против шведов – в раздробленной, управляемой бесчисленными князьями Германии, вполне обычное явление.

(Определенные заинтересованные группы и сегодня не могут обойтись или чувствовать себя уверенными без помощи иностранных оккупантов. – прим. автора.)

Махинации с немецкими землями продолжались до тех, пока король Дании смог присвоить себе бывшие шведские земли между Эльбой и Везером, так называемое герцогство Бремен-Верден. Но когда эта опустошенная страна не принесла ему никакой пользы, он просто «спихнул» ее королю Англии. Жителей при этом закулисном торге никто не спрашивал.

Известным также стал диалог во время мужской вечеринки между Петром и королем Дании Фредериком, любовница которого стоила ему целого состояния. На вопрос короля датчан, содержит ли и Петр тоже фаворитку, царь ответил: «У меня есть целая куча проституток, но все они намного дешевле, чем ваша одна. За эти ваши деньги вы лучше бы распорядились строить корабли!»

Часть 9: Трагический конец царевича

Петр видел в Пруссии своего самого надежного союзника. В то время еще не было Германии, которая заслуживала бы этого имени: император был безвластен. Немецкие князья думали каждый только о себе и о своих, пусть даже столь жалко маленьких владениях. В то время как Германская империя лежала в бессилии, росли величие и авторитет России.

Только в культуре Германия все еще задавала тон. Следовательно, сын Петра Алексей как определенный в наследники должен был воспитываться и учиться в Германии. Семнадцатилетний царевич был от природы робок и боязлив и не чувствовал себя подходящим к своей будущей роли. Он скорее хотел стать священником, тем не менее, сначала женился на зловке императора Карла VI, что казалось блистательной партией для российского престола. Брак был обречен на ранний крах. Алексей, слабый человек, хоть и смог зачать двух детей, но он так жестоко обращался со своей женой, видимо, чтобы доказать свою мужественность, что она умерла уже в возрасте 21 года.

В октябре 1716 года Алексей воспользовался отсутствием отца, чтобы сбежать в Вену и просить немецкого императора об убежище. Он хотел отказаться от своего трона. Для царя это был шок, на который он отреагировал с безжалостной жестокостью. Он также решил, что его сын был замешан в новый Московский бунт. Лживыми обещаниями он выманил сына из итальянской эмиграции. Во время длящихся сутками пыток подозреваемые обвиняли друг друга. Петр приказал заковать их в цепи, сажать на острые колья, разбивать их тела дубинами, или колесовать. Царевич, хоть и был абсолютно неспособен к организации путча, признал себя виновным и был приговорен к смерти. Он умер под пыткой.

Отныне Петр был в постоянной заботе о достойном наследнике и завершителе его трудов. Под его руководством Россия стала великой державой. Его реформы во внутренней политике выдавали способности современного и дальновидного государственного деятеля, который также всегда демонстрировал чутье на настоящие таланты для выполнения своей программы. Наиболее выделяющимися из этих его помощников и советников были немцы. В

гамбургце Генрихе Фикке он нашел отличного специалиста по управлению, который по образцам Любекского и Магдебургского городского права создал новую систему налоговой службы и других органов власти для всей России.

Еще двумя выдающимися личностями, которые поддерживали Петра при строительстве нового русского государства, были Бурхард Кристоф Миних (фон Мюнних) из Ольденбурга и уроженец Бохума пасторский сын Генрих Остерман. Об этих людях так писал шведский историк Крусенштольпе: «Эффективная деятельность немцев очень значительно способствовала величию России. Остерман был душой всего управления, его знали и опасались как одного из самых искусных государственных деятелей его времени. Миних с усердием и знаниями содействовал внутренней системе коммуникаций страны, закладывая новые каналы и дороги. Инженерное и артиллерийское дело и необходимые для этого школы своим появлением обязаны ему. Никакое государство не могло похвалиться в те времена, что обладает столь искусными министрами как Россия».

Миних, кроме всего прочего, построил Ладожский канал, позволивший русским кораблям от Финского залива плыть до Черного моря и Каспийского моря. Эти каналы, связывающие судоходные водные пути большой русской речной сети, позволили использовать безграничные запасы леса и полезных ископаемых гигантской страны. Миних доказал, что он был не только первоклассный инженер, но при захвате Крыма в борьбе против турок также выдающийся полководец.

(Другим немцем, который позже прославился при царе Александре II, был генерал Константин фон Кауфман, потомок приехавшего при Петре III из Голштинии рода. Россия, кроме всего прочего, обязана его стратегическому мастерству приобретением огромной Амурской области на Дальнем Востоке. – прим. автора)

Остерман, старший брат которого был воспитателем принца при дворе царя, привлек к себе внимание Петра как морской офицер. Остерман был мастером самых трудных переговоров. Он был в состоянии заключать государственные договоры не только на русском и немецком языках, но также на латыни и французском языке.

Петр Великий умер 8 февраля 1725 года. После его смерти бывшая служанка пастора Глюка стала хозяйкой Российской империи. Но на самом деле судьбой страны управлял князь Меншиков, самый богатый человек России, владевший более чем 150 000 семей крепостных и бесчисленными поместьями.

Екатерина I, которая даже не умела писать и полагалась в этом на своих немецких секретарей и переводчиков, все же умела обогащать русскую культурную жизнь. Единственная русская газета по ее воле стала выходить также на немецком языке. Задуманная ранее еще Лейбницем Академия наук также, наконец, была теперь создана, обучением в ней сначала занимались два немецких врача, среди них друг юности Петра, а также позже его придворный врач. Библиотекой руководил придворный библиотекарь Петра Иоганн Даниэль Шумахер. Екатерина создала также ботанический сад и различные учебно-производственные мастерские. Исследовательские задания тоже поручались немцам, например, врачу доктору Даниэлю Якобу Мессершмидту, который исследовал полезные ископаемые, людей и фауну Сибири в ходе продолжавшейся семь лет экспедиции. В семейной политике она исполнила старое желание Петра. Она выдала замуж свою дочь Анну за герцога Карла-Фридриха фон Гольштейн-Готторпа – им суждено было стать родителями семи поколений русских царей.

Екатерине довелось править только два года и три месяца; в возрасте 43 лет она в 1727 году умерла от водянки. Смерть ее вызвала скорбь всего города. Александр Гордон писал о ней: «Она была исключительно красивой женщиной, со светлым, ясным умом и в любое время в радостном настроении. По отношению ко всем людям она была предупредительна и приветлива, и никогда не забывала, что сама она была из простого народа».

Новый царь, Петр II, единственный сын несчастного царевича Алексея, был в момент его коронации в 1727 году ребенком одиннадцати лет; в 1730 году он умер от оспы. В 1740 году последовал «властитель», который в двухмесячном возрасте еще лежал в пеленках, ребенок чисто немецкой крови и прямой потомок Генриха Льва. Вместо младенца правил в равной степени жадный до денег и жестокосердный и хитрый опекун Бирон, который ненавидел Миниха и Остермана и замыслил их устранение. Номинально регентшей была герцогиня Анна-Елизавета Брауншвейгская; Миних и Остерман обеспечивали государственные дела. В соответствии с принципами Петра Великого к их политике относились хорошие отношения с Пруссией, где 31 мая того года молодой Фридрих унаследовал трон после смерти его отца.

В Вене начиналась новая эпоха с Марии Терезии, а в России прежде занятая только своими любовными приключениями Елизавета Петровна замышляла захват власти. Упитанная и маленькая Елизавета не знала меры не только в еде и питье. Она затягивала в свою постель любого мужчину, будь то придворный, солдат или лакей, если он только нравился ей.

(Подобное сообщает англичанин Вивиан Бёрд о матери Черчилля, жене лорда Рэндольфа Черчилля, которая якобы переспала с более чем 300 мужчинами, от наивысших дворян до самого примитивного конюха. – прим. автора)

Захват престола Елизаветой стал роковым для российско-прусских отношений. Молодой и остроумный, знаменитый своими острыми шутками король Фридрих II, позже названный Великим, сделал несколько малопочтительных замечаний о правящих Австрией, Францией (Помпадур) и Россией «трех нижних юбках», из чего с удовольствием извлекала пользу дипломатия соперников! Названная им «северной шлюхой» Елизавета стала после этого его смертельным врагом. Ее легко было подвинуть к тому, чтобы впутать также Россию в дорогую Семилетнюю войну против Пруссии.

Устроенный французским двором и профинансированный большими взятками дворцовый переворот профранцузской клики во дворе царя повлек за собой, что до сих пор дружественная к Пруссии политика России резко поменялась на противоположность. Миних и Остерман были арестованы и приговорены к смерти; Остермана даже должны были колесовать, а Миниха разорвать четырьмя лошадьми. Когда голова Остермана уже лежала на плахе, внезапно по приказу Елизаветы смертную казнь заменили пожизненной ссылкой в Сибирь.

Елизавета управляла Россией двадцать долгих лет, и только после ее смерти 5.1.1762, после двадцати длинных зим в Сибири, Миних – теперь ему было 79 лет, но он все еще был полон сил и энергии – был освобожден следующим царем.

Часть 10: Царь и царица прибыли из Германии

В качестве престолонаследника Елизавета вызвала из дальнего Шлезвиг-Гольштейна 17-летнего принца Карла Ульриха Петра фон Гольштейн-Готторпа, внука Петра Великого; и она выбрала ему в супруги из отборной толпы кандидаток молодую принцессу Софию фон Ангальт-Цербст. Фридрих Великий ранее пригласил ее вместе с ее матерью в Берлин, где как свою соседку справа за столом проверил ее образованность и умственные способности. В свои шестнадцать лет она была не только красивая молодая дама, но и, кроме того, одарена необыкновенным интеллектом и знакома не только с немецкой, но и французской культурой.

Все же, эта великолепная пара не настолько хорошо подходила друг к другу, как надеялись. Детство Карла было тяжелым: в три месяца он потерял мать, в одиннадцать лет отца, воспитание не достигло его души; он оставался

рассеянным и неуклюжим. Во время помолвки его лицо испортили оспины. Если София использовала все время вплоть до свадьбы, чтобы акклиматизироваться в новой стране и изучить русский язык и православную религию, Карл развлекался с людьми с его родины, на что и были направлены все его желания и планы. Кроме того, он был влюблен в другую женщину, в чем он признался своей избранной невесте уже при их первой встрече, что не очень-то ее обрадовало. Рассказывают, что он из-за невылеченного фимоза не мог исполнять супружеские обязанности.

Молодых людей окрестили в православие и дали им имена Екатерина Алексеевна и Петр III. 1 сентября 1745 года состоялась свадьба с большим пиршеством.

Заметно для каждого и к восхищению придворной знати и духовенства Екатерина вела себя весьма благочестиво, много молилась, стояла на коленях перед каждым образом и принимала участие в каждом богослужении и каждой процессии; она, как и большинство предшествовавших ей женщин, могла бы легко управлять авторитетными мужчинами. Уже в это время у нее было достаточно тонкое чутье, и она была проинформирована обо всех происходящих во дворе интригах. Очевидно, она лучше, чем ее жених умела ориентироваться в новой среде. Он отставал от нее в развитии, и она все больше и больше презирала его. Удивительным образцом Петра был, между тем, Фридрих Великий с помощью которого он хотел когда-то построить современную Россию, свободную от угнетения, продажности и бесхозяйственности. Девиз Фридриха «король – это первый слуга своего государства» привлекал также и Петра, резкая противоположность прежней тирании русских властителей! Прошло еще семнадцать лет после его бракосочетания, пока Петр унаследовал корону. До тех пор он преимущественно окружал себя друзьями из Голштинии, он даже сформировал специально привезенную из Голштинии собственную личную охрану.

Между тем, Елизавета и дальше вела, как сообщает Лео Зиверс, «свою необузданную жизнь, жизнь с пьянством и обжорством. Ей было лишь чуть больше пятидесяти лет, но она жила так, как будто ее жизнь уже приближалась к концу, так как она никогда не задумывалась о том, чтобы сделать из своей жизни что-то кроме постоянной оргии. Она расплывалась и в то же время разрушалась. В конце ее ноги были похожи на большие водяные мешки, и 5 января 1762 года она умерла. Елизавета оставила после себя переживающую застой экономику, окостеневшее управление, продажный чиновничий аппарат и 15 000 платьев. Она скупала все, что предлагалось в качестве новинок моды в резиденции».

Так же как она ненавидела короля Пруссии по личным причинам, точно так же по личным причинам она приказала избить кнутом до полусмерти княгиню Лопухину, в те годы самую красивую женщину России, вырезать ей язык и сослать в Сибирь. К ее скромным достижениям можно причислить разве что основание ставшего известным только при Екатерине Петербургского фарфорового завода благодаря нескольким ученикам Бёттгера из Мейсена. В дальнейшем она позволила силезцу Фридриху Ашу развивать почтовую службу России, и за его заслуги Аш получил титул барона и стал директором почты Российской империи. Между тем в ее преемнике, царе Петре III, произошло странное изменение. Его первым поступком было то, что он осмелился без вооруженного сопровождения ходить между людей и раздавать монеты им в руки. Он прощал своих врагов, был справедливым, терпеливым и просвещенным.

Его первым и таким знаменательным для Фридриха Великого внешнеполитическим мероприятием было перемирие с Пруссией. Пруссия вследствие этого шага в короткое время правления царя Петра была спасена и сформировалась картина Европы, сохранившаяся до сегодняшнего дня. Он даже предложил своему кумиру Фридриху русский вспомогательный корпус под командованием генерала Чернышева.

Большая амнистия вернула назад тысячи ссыльных из Сибири, в том числе уже упомянутого графа Миниха. Царь отменил пытки и начал, в духе многих полученных от Фридриха Великого стимулов, государственно-правовую реформу. В новом налоговом законе он хотел также заставить платить налоги священников, церкви и монастыри.

Это было уже слишком! В особенности последними мерами Петр создал себе много ожесточенных врагов. До сих пор высшее дворянство и духовенство за спиной украшающих трон женщин определяли политику страны. Петр III пробыл на престоле только шесть месяцев и пять дней. Затем он пал жертвой заговора, разожженного и поддержанного также его собственной женой. Выдвинутыми для государственного переворота руководителями были пять братьев Орловых, один из которых был любовником Екатерины. У них всех были большие долги, а в остальном они не отличались особыми талантами. Им удалось привлечь на свою сторону несколько более высокопоставленных офицеров гвардии и среди дальнейших заговорщиков даже людей из числа друзей Петра. Русское духовенство сплоченно было на стороне Екатерины.

Француз Жан-Доминик Одар обеспечивал средства, необходимые для путча, для маскировки, подкупа, и распространял ложные сообщения. Один из его слухов гласил, что царь хочет постричь царицу в монахини и сослать в монастырь.

Теперь считавшаяся до той поры совсем безвредной Екатерина показала, что она за человек. Петр, ничего не подозревая, еще размышлял в Ораниенбауме о планах немецкого похода, чтобы вернуть Голштинию, которую пытались заполучить себе Дания, Швеция и Россия. Только в последний момент один его друг предупредил Петра о предстоящем путче. Но пока Петр медлил и, так как он не хотел проливать кровь, пребывал в бездеятельности, его жена действовала. С распущенными волосами она возглавила гвардейские полки, к которым обратилась с зажигательными речами. Никогда никто не видел более красивую женщину верхом на лошади. Полковые попы с поднятыми крестами шли перед войсками. Екатерина снова подчеркивала свою набожность, становясь на колени перед каждым образом и каждой часовней и молясь. Под хоровым пением священников, окутанная волнами ладана, Екатерина, которая, кажется, сильно превосходила всех своих предшественниц в благочестии, стала новой царицей Екатериной II. Все группы во власти, от которых это зависело, встали на ее сторону. Петру оставался только официальный отказ от престола, что не помешало братьям Орловым схватить его и задушить во время пьянки.

В сентябре 1762 года Екатерину еще раз официально короновали в Успенском соборе со всей византийской пышностью. Ее любовники и соучастники заговора думали, что достигли своей цели – Екатерина сделала свое дело. Но в этом своем предположении они сильно ошиблись; в отличие от одного главы государства из нашей более поздней истории, который хотел быть узнан «уже по забралу», она мастерски умела пускать пыль в глаза, чтобы они видели в ней только одну из чисто представительных женщин, которыми можно было манипулировать сколько угодно. Екатерина знала тайну власти, и она не поделилась бы ею ни с кем!

Фридрих Великий видел приближающуюся беду и предостерегал Петра в нескольких письмах. Он писал своему министру иностранных дел графу Финкенштейну: «Екатерина обладает большим разумом и беспредельным честолюбием. Несчастный царь хотел подражать Петру Великому, но у него не было его гения». Эрнст Иоганн Бирон, герцог Курляндский, выражался несколько более характерно: «Петр мог бы еще и сегодня царствовать, если бы он рубил больше голов, колесовал и наказывал кнутом».

Вопреки ожиданиям дворянства и духовенства, новая царица, по сути, продолжила реформы Петра. Поселение немцев на Волге принадлежит без

сомнения к ее славным подвигам. Наряду с десятками тысяч уже живущих в России немцев, в том числе многих выдающихся личностей при дворе и в важных ключевых учреждениях, она теперь толпами звала уже и немецких крестьян в свою империю. Предложение Екатерины представлялось тяжело борющимся за выживание на своей родине крестьянам настоящей мечтой. Она не только выделила им лучшую землю, пусть даже еще дикую и неисследованную, по обе стороны Волги. Страдавшим дома от тяжелых податей их суверенов она обещала освобождение от налогов, гарантировала такую важную для них полную свободу вероисповедания и, кроме того, еще и освобождение от военной службы. Прежде всего, однако, немцы должны были быть не крепостными как русские крестьяне, а могли свободно работать на своих земельных наделах!

Помимо этого первого региона на Волге Екатерина позволила немецким крестьянам поселиться еще в других частях страны, кроме всего прочего, у берегов Черного моря и севернее в районе Саратова. Немецкие ремесленники присоединились к крестьянам. Так прошло всего несколько десятилетий, и в этих областях уже насчитывалось 3500 немецких деревень. И отнюдь не самые плохие немцы продавали у себя на родине дома и решались на жизнь в неизвестной стране. Екатерина знала способности своих земляков, которые принесли также еще неизвестный в России железный лемех; она привлекала в Россию лучшую немецкую крестьянскую кровь. Только за пять лет, между 1763 и 1768 годами почти 30000 немцев поселились на Волге. Они давали немецкие имена своим поселениям, сооружали немецкие школы и сохраняли свой родной язык вплоть до нашего времени. Даже спустя двести лет, даже при господстве коммунизма, еще 57% всех российских немцев указывали немецкий язык в качестве родного – вопреки всем попыткам русификации!

Также для общественного здравоохранения Екатерина была примером. К ее заслугам в области просвещения принадлежат учреждение академии для исследования русского языка и стипендии для учебы за границей одаренных русских людей. Многие из них ехали учиться в немецкие университеты, не только чтобы приобрести специальные знания, но и чтобы найти соприкосновение с немецкой культурой, которую они и дальше поддерживали после своего возвращения домой. Также в области управления и права она добилась прекрасных результатов. При Екатерине Россия не только географически открылась Западной Европе. В технике, промышленности и культуре она старалась укреплять связи со своими западными соседями. В русских школах при ее правлении выросла мыслящая молодежь, которая испытывала настоящий голод к знаниям и образованию. Своей наступательной внешней политикой и военными походами она так расширила территорию

России, как это не удавалось никому из прежних правителей. Ее войска захватили Крым, прошли далеко в Сибирь, а на западе через Днепр и Двину дошли до Галиции и новой Восточной Пруссии.

Прежде всего, Екатерина стремилась раз и навсегда устранить нарушителя спокойствия Польшу. В Польше меньшинства, которые не исповедовали католическую государственную религию, преследовались с безжалостной беспощадностью. В управлении и финансах страна катилась к абсолютному хаосу. Польское государство веками разграбляла его дворянская каста. Эти польские дворяне доказали, что они умели осуществлять захваты и великолепно представлять себя при своих дворах, но были неспособны наполнить свою добычу жизнью. 24 октября 1795 года произошел третий раздел Польши после двух предшествовавших усечений ее территории. После этого от некогда могущественного государства ничего больше не осталось. Вместе с Пруссией и Австрией Екатерина сделала так, чтобы Польша исчезла с географической карты, причем она умудрилась забрать львиную долю погибшей страны себе.

Вообще Екатерина также известна своими многочисленными романами. Но хотя она всегда по-царски вознаграждала своих любовников, она никому из них не разрешала оказывать хоть какое-то влияние на ее политику. Екатерина Великая покинула мир 17 ноября 1796 года после 34 лет правления. Ее наследником стал ее сын Павел I, женатый на вюртембергской принцессе.

Часть 11: Триумфальное шествие русской музыки и литературы

Своими крестьянами и ремесленниками, и еще задолго до Екатерины своими инженерами, врачами, учеными, солдатами и дипломатами немцы сильно способствовали благосостоянию и величине России. Односторонний дар немцев на благо России! В культурной области, в особенности в музыке и литературе, взаимное влияние и оплодотворение должно было, тем не менее, произойти в первые десятилетия девятнадцатого столетия. Так же как авторитетные русские круги, не в последнюю очередь из-за немецкого происхождения наивысших персон, преимущественно занимались немецкой культурой, так же жадно немцы ухватились теперь за очевидно такую близкую их народному характеру новую музыку и литературу с востока. Особенно музыка Глинки окрыляла родственные души в обоих народах.

Родившийся в 1804 году Михаил Иванович Глинка сначала был пианистом. Он оставил гарантированное положение, чтобы в длительных научных командировках по просторам большой страны изучать русскую народную

песню. Потом он приезжает в Италию и Германию, где его особенно поразила музыка романтиков. «Волшебный стрелок» Карла Марии фон Вебера стал образцом для его более позднего творчества. В Берлине он изучает у Зигфрида Дена – юриста, ставшего музыковедом – композицию, гармонию и контрапункт. Здесь он получает подготовку для своей народной оперной музыки. Он достигает известности своей оперой «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), которая станет русской национальной оперой. Это история русских народных героев, самопожертвования простого крестьянина из эпохи унижения и подавления ненавистной польской оккупацией. Остзейский немец барон Георг фон Розен написал либретто, он же добился для Глинки и доступа к царскому двору. Оба в совершенстве говорили по-немецки, что было совсем не удивительно при дворе Николая I, который был женат на дочери Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы, «Ангела Пруссии». Все семь детей от этого брака тоже состояли в браке с немцами.

Глинка содействовал прорыву народной русской оперы. Следующие значительные русские композиторы последовали за ним, такие как Бородин, Мусоргский, Римский-Корсаков и Чайковский, музыка которого, тем не менее, свидетельствует о большом западном влиянии. Мусоргский своим «Борисом Годуновым», на текст Пушкина и Карамзина, привел русскую оперу к признанному во всем мире блестящему апогею. В более позднее время такие замечательные симфонисты как Стравинский, Шостакович и Хачатурян могли выступать на Западе и, в частности, снова в Германии перед благодарной публикой. Также русские народные песни, исполняемые великолепными басами или знаменитыми казацкими хорами, часто грустные, берущие за душу мелодии, находили восторженных слушателей в Германии. В существенной степени этому способствовали типично русские инструменты, особенно балалайка с ее своеобразным обаянием, преисполненным меланхолии.

Литература России стала известна, прежде всего, благодаря, вероятно, самому великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину, который родился в 1799 году. Интерес к его произведениям был в Германии настолько велик, что они уже скоро почти все появлялись в немецких переводах. Пушкин, к основным произведениям которого относятся «Евгений Онегин», «Борис Годунов» и «Полтава», пользовался поэтическим реализмом. Он был настоящим создателем русского литературного языка и литературы, в особенности, лирики. Его короткая и часто трагическая жизнь многостороннего и гениального художника закончилась в 1837 году дуэлью в ледяном зимнем холоде, после того, как он своей острой критикой придворных породил для себя много ожесточенных врагов.

Наряду с Пушкиным творил также Николай Гоголь с его реалистичными новеллами, в том числе «Страшная месть» (в немецком переводе «Колдун») или ставший основой голливудского фильма «Тарас Бульба», прославлявший борьбу козацких гетьманов против надменных и агрессивных поляков. Более поздние русские писатели оказывали равным образом очаровывающее и вплоть до сегодняшнего дня продолжающееся воздействие на немецкого читателя, в том числе Тургенев, Чехов и, естественно, Толстой и Достоевский, произведения которых относятся к мировой литературе.

Все же и немецкое влияние на литературное творчество России и дальше оказывало влияние. Одним из тогда самых известных и часто читавшихся немецких поэтов был театральный критик Август фон Коцебу, который всю свою жизнь курсировал между Германией и Россией, и жизнь которого прервал в 1819 году кинжал одного студента теологии, так как Коцебу обвиняли в тайных махинациях и измене своему отечеству.

Коцебу написал в своей бурной жизни не меньше чем 206 пьес. Он в свое время был даже популярнее, чем Гёте или Шиллер. У Коцебу собиралась вся палитра корифеев немецкой духовной жизни в Петербурге, которые приехали туда при Екатерине, в том числе также полковник Максимилиан фон Клиндер. Он был автором драмы «Буря и натиск», от названия которой вся эта эпоха получила свое название. Сама Екатерина написала несколько пьес.

Из-за деспотической цензуры полицейского аппарата при Павле I Коцебу совсем неожиданно и без обоснования был сослан в Сибирь. Но когда царь прочитал драму Коцебу «Старый придворный кучер Петра III», он пришел в такой восторг, что немедленно помиловал Коцебу и даже одарил его поместьем в Эстляндии. Одновременно он назначил его надворным советником и директором немецкого театра в Петербурге.

Оставшиеся в России дети Коцебу смогли даже превзойти славу своего отца. Пятеро из его семи сыновей оказали государству замечательные услуги как начальник генерального штаба, первооткрыватель, мореплаватель, посол или профессор искусствоведения и истории.

Здесь никак нельзя не упомянуть еще одного знаменитого немца. Это было уже в Петербургское время Бисмарка, когда купец Генрих Шлиман жил в русской столице. Шлиман был гениальным полиглотом. После изучения семи языков он добавил к ним еще шведский и польский, потом греческий, латынь и арабский. Он был богат, и после чтения «Илиады» Гомера его охватило горячее честолюбие найти и раскопать Трою. Ранее он решил закрыть свою

петербургскую фирму и оставил тамошние знакомства и отправился в Париж, чтобы изучать археологию. Переселившись в Грецию, он женился на гречанке, а затем исполнил мечту своей жизни. То, что другие до него тщетно искали веками, нашел Шлиман. В том числе среди гор мусора он нашел также украшение прекрасной Елены, которое он смог потом даже надеть на шею своей жене.

Часть 12: Немцы и русские в освободительной борьбе против Наполеона

Петербургский кадетский корпус для обучения молодых офицеров был создан, в том числе, и немецкими преподавателями. Так что не могло случиться иначе, чтобы также в России появился не тупоголовый рубака, а как в Пруссии по образцу Клаузевица новый тип солдата, офицер с всесторонним образованием. Не прошло много времени, пока эти офицеры смогли доказать, чего они стоят в военном мастерстве. Наполеон в 1806 году наголову разбил у Йены и Ауэрштедта почивавшую на лаврах Фридриха Великого устаревшую прусскую армию. За исключением Австрии вся Европа покорила ему, и насколько протянулась его власть, настолько «она душила торговлю и благосостояние, свободу речи и мужество писателей». (Так нюрнбергский книготорговец Иоганн-Филипп Пальм по приказу Наполеона был застрелен, так как он решился издать направленную против французского угнетения брошюру «Германия в ее самом глубоком унижении»).

В покоренных землях, прежде всего, в основанном с благосклонного согласия немецких князей Рейнском союзе, завоеватель сконцентрировал большой контингент войск, который должен был послужить ему при его последнем большом ударе, разгроме России. Из побежденной и жестоко подавляемой Пруссии некоторые из самых благородных патриотов уехали в Петербург, где они при дворе царя занимались работой для освобождения их страны и прочей Европы. Они сформировали, кроме всего прочего, Немецко-русский легион из немецких добровольцев. Самым важным умом, внушавшим Наполеону страх своим пылким патриотизмом и гениальными планами реформ был барон фон унд цум Штейн. Он стал советником царя. С ним как секретарь был пламенный поэт свободы Эрнст Мориц Арндт. Также выдающийся офицер генерального штаба Гнейзенау уехал в Петербург, чтобы избежать клещей Наполеона. Карл фон Клаузевиц, прусский офицер генерального штаба и автор всемирно известного фундаментального труда «О войне», разрабатывал соглашение о нейтралитете, будущую Тауроггенскую конвенцию.

Именно прусский генерал Йорк, опровергая глупое выражение о «рабском повиновении» прусского офицера, при контрударе русской армии вопреки команде своего короля вывел подчиненные Наполеону прусские корпуса из навязанного союза с французами, рискуя при этом карьерой и жизнью. Русский генерал Ганс фон Дибич, с которым он заключил эту конвенцию, был коренным силезцем и обучался в кадетском корпусе в Гросслихтерфельде под Берлином.

(Вольфганг Штраус сообщает в DMZ от 19/99, что из русских офицеров и генералов, портреты которых висели в Петербургской галерее, не менее 332 носили немецкие фамилии. – прим. автора)

В последующей освободительной борьбе чужие армии снова двигались, грабя и убивая, по немецким землям, и немцы, как это так часто случалось в истории, сражались против немцев. Войска Рейнского союза понесли ужасные потери в России. Тот, кто не был убит, погиб от холода и голода во время отступления через ледяные и снежные пустыни русской зимы. Только немногие из приблизительно 200 000 немецких принудительных союзников Наполеона снова смогли увидеть свою родину.

В ходе освободительной борьбы молодые русские офицеры непосредственно познакомились с Германией. В духовном плане они уже раньше находились под влиянием философии Гегеля и Шеллинга. В боях, на биваке или при расквартировании в немецких домах настоящее товарищество не развивалось между немцами и русскими. Их объединяли духовные узы вместе с борьбой за свободу и независимость от чужеземного тирана. При этом у русских было перед немцами то превосходство, что им уже не нужно было бороться за свое единство. Они пришли из могущественной империи, в то время как Германия все еще оставалась лоскутным ковром преимущественно до смешного маленьких и часто соперничающих княжеств. Молодежь Германии, готовая к любым жертвам, которая с такой же смелостью и воодушевлением боролась за свободную и объединенную Германию, после войны почувствовала себя обманутой князьями и лишенной плодов своей победы. Бездушие и угнетение в бесчисленных «суверенных державах» оставались, что можно было увидеть уже по строго охраняемым пограничным столбам и шлагбаумам!

Часть 13: Бисмарк и отношение к России

Человек, совершивший великое дело объединения, был доселе неизвестным прусским юнкером, который после изучения юриспруденции и сельского хозяйства сделал себе имя как депутат ландтага своими умными речами и практическим политическим инстинктом. То, что он – в противоположность

сегодняшним жалким фигурам – был волевым человеком, он доказал уже как депутат во Франкфуртском Бундестаге, где по священному обычаю было позволено курить только австрийскому посланнику. У Бисмарка хватило храбрости попросить огонька для своей сигары как раз у этого посланника, графа Туна, который выполнил его просьбу, хоть и был при этом глубоко поражен.

Йоханнес Холлер так оценивает Бисмарка в его «Эпохах немецкой истории»: «Здесь и появился он, нужный человек в нужное время... Нация не узнала своего спасителя; если бы это зависело от нее, его прибили бы к кресту и сожгли. Он должен был бороться с нею, как когда-то он спас своего тонущего конюха, зажав ему горло... Едва ли какой-нибудь государственный деятель, за исключением, вероятно, Ришелье, должен был когда-либо бороться с такими трудностями... Он стоял в одиночку. Из тех, которые были призваны помогать, никто не помогал ему, большинство сопротивлялось... Он даже не мог высказать то, что планировал. Если бы он сделал это, старый король, его государь и единственная поддержка, испугался бы такой большой смелости и отказал бы ему в поддержке».

После восьми лет опыта во Франкфуртском Бундестаге, в «парламенте профессоров», Бисмарка весной 1859 года отправили как прусского посланника в Петербург. Его нужно было отослать подальше, потому что такой энергичный богатырь был неудобен завистливым и мелочным душонкам. Бисмарку повезло, что он был знаком с князем Александром Горчаковым, ведущим государственным деятелем России, еще по Франкфурту, где Горчаков был уполномоченным при Бундестаге. Князь высоко ценил Бисмарка и ввел его, хотя у того еще не было достаточно высокого дворянского титула или воинского звания, в Петербургское высшее общество.

Бисмарк, который свободно говорил по-английски и по-французски, также скоро выучил и русский язык. Благодаря его чувству юмора и находчивости ему как умеющему развлекать собеседнику вскоре раскрылись все двери вплоть до наивысших кругов. Своим открытым характером он быстро привлек на свою сторону также царя. Александр II подчеркнуто выделял Бисмарка перед другими представителями 39 государств Немецкого союза, и Бисмарк хорошо чувствовал себя в добросердечном гостеприимстве русских, хотя он уже тогда заметил определенную антипатию в более молодом поколении.

Уже при отце Александра, царе Николае I, появились признаки того, что влияние Германии, которое со времен Петра Великого всегда рассматривалось как обогащающее, стало уступать место новому просыпающемуся русскому

национальному самосознанию. Партия «славянофилов», которая позже даже превратилась в формальную религию «панславизма», хотела, оторвавшись от западной культуры, признавать только лишь местный славянский дух. Некоторые будущие фанатичные «славянофилы» даже получили духовную подготовку в немецких университетах для своей позднейшей панславистской полемики, как писал Лео Зиверс.

Как характерно для свойственной немцам, неизвестной у других народов любви к иностранцам, это новое движение нужно приписать влиянию немецкого теолога Иоганна Готтфрида Гердера из Морунгена в Восточной Пруссии. Гердер, которого высоко ценил Гёте за его всестороннюю образованность, стал широко известен своими «Голосами народов», что сделало его «пробуждающим славян». Именно Гердер непрерывно выступал за эмансипацию и собственную национальную идентичность восточных народов, будь то русские, латыши, эстонцы или финны.

Вдохновленный им русский поэт Хомяков писал: «Россия, какое чудесное явление на сцене мира! Какая страна может помериться силами в величине с ней... О, Россия, о, мое отечество! Тебе предначертано увенчать развитие человечества». Тем не менее, Хомяков не довольствовался вошедшим в поговорку патриотизмом русского человека. Он затем требовал, чтобы Россия разумно пользовалась творческими силами Запада, чтобы затем смочь овладеть этим самым Западом!

Также ненависть к немцам и мания величия поляков могли бы не в последнюю очередь исходить от «бескорыстных», странно оторванных от жизни импульсов немецких поэтов и мыслителей. Польская ненависть ко всему немецкому тем более непонятна, что поляки, которых русские после раздела открыто и жестоко подавляли, от немцев или от Пруссии узнали только преимущества. В типично немецком добродушии Пруссия построила новые школы, в которых польские дети учились на их языке. Пруссаки упразднили также еще обыкновенное в Польше крепостничество в Великом герцогстве Позен (Познань), чем навлекли на себя, однако, непримиримую ненависть польского дворянства. В то время как поляки в российской части мучились под кнутом, их заговорщики могли в Пруссии заниматься своей деятельностью беспрепятственно и бесконтрольно.

Чтобы избежать высылки в Сибирь, тысячи поляков спасались в Германии, которая принимала их с распростертыми руками. Либералы и католики соревновались в своих усилиях в помощи бедным. Дружелюбие к полякам превратилось в энтузиазм, проявляясь даже в искусстве и музыке, как

например, в «Нищем студенте» Миллёкера. Следствием было то, что польские повстанцы, проискам которых русские положили конец, под встретившей их со стороны немцев наивной волной симпатии стали организовывать новые восстания. Через управляемое на расстоянии Парижским центром предприятие они попробовали теперь свою удачу под благосклонными глазами прусского режима. Вместо того, чтобы заботиться о собственных интересах, немецкая безрассудная любовь и восхищение всем иностранным уже тогда отмечали свои трагикомические успехи.

Бисмарк писал об этом: «Берлинцы освободили поляков своей кровью и затем собственноручно провели в триумфе по городу. В благодарность за это вооруженные люди вскоре после этого встали во главе банд, которые преследовали немецких жителей прусской провинции грабежами и убийствами, резней и варварскими увечьями женщин и детей. Так немецкий энтузиазм снова таскал чужие каштаны из огня самому себе во вред».

Лирик Георг Гервег писал своим землякам на память об их сонной мечтательности:

«Позволь лишить себя всякой свободы,
не обороняйся,
ты сохраняешь христианскую веру:
Спи, чего ты еще хочешь?
И если тебе все запретят,
все же, не огорчайся слишком сильно,
у тебя есть Шиллер и Гёте:
Спи, чего ты еще хочешь?»

За три года своего пребывания в Петербурге Бисмарк познакомился со страной и с людьми. Он умел завязывать отношения, которыегодились ему позже, когда он стал прусским премьер-министром и германским рейхсканцлером. «Он жил с русскими», пишет Лео Зиверс, «и учился думать с русскими и понимать их».

24 мая 1862 года король Вильгельм отозвал Бисмарка из Петербурга и назначил его посланником в Париже. Там он провел только четыре месяца, пока король 24 сентября не назначил его государственным министром. Тем самым он получил исходную базу, чтобы из многовековой коренной страны осуществить старую мечту немцев: создание объединенной, сильной и уважаемой в мире Германской империи. Это не было столь ожидаемое воинами Освободительных войн Великогерманское решение. Но ввиду многих принадлежащих тогда к

Австрии чуждых народов исполнение этого желания было бы невозможно для политического реалиста.

Часть 14: Немецко-российские отношения в современности

Если бы политика Бисмарка была продолжена и при императоре Вильгельме II, то очень вероятно, что никогда не дошло бы до войны с Россией, а может быть, и до Первой мировой войны вообще, и при отсутствии питательной среды не произошло бы и большевистской революции.

Вильгельм II поднялся на трон в 29 лет. В эпоху дикого империализма и нагромождающихся внешнеполитических кризисов этот столь же неопытный, сколь и честолюбивый молодой правитель был окружен плохими советниками. Борьба за колонии как источники сырья и рынки сбыта мировой экономики обострялась. Вопреки своему по-прежнему владеющему всеми морями океанскому флоту Англия ощущала угрозу для своего доминирующего положения, исходящую от возвышающейся Германской империи и от признанного во всем мире качества немецких промышленных изделий. Зависть росла в такой же пропорции, как немецкие успехи и скоро слишком большая уверенность в себе. Император принял решение в пользу нового внешнеполитического курса, за – далее разжигающее недоброжелательство наших соперников – «место под солнцем». Тем более что быстрая программа строительства флота, признанная как необходимость политика для зависимой от экспорта страны (немецкое население удвоилось с 1850 по 1900 год) увеличивала враждебность Альбиона.

В это критическое время Вильгельм хотел быть сам себе канцлером; независимое ведение Бисмарком дел мешало его тщеславию и его точке зрения на мир.

С отставкой кузнеца объединения Германии так искусно связанная Бисмарком система союзов и договоров для защиты империи постепенно начала рушиться. Т.н. договор перестраховки с Россией, один из краеугольных камней политики, мешающей жаждущей реванша Франции проводить политику окружения Германии, не был обновлен преемником Бисмарка. Недостаточное дипломатическое чутье нового императора сказалось также при его посещении царя в Петербурге. Его появление там с сильным военно-морским флотом не способствовало умиротворению фанатичных панславистов, которые настаивали на войне с Германией и Австрией.

Тщетно император Вильгельм в конце июля 1914 пытался непосредственным ходатайством у своего родственника, царя Николая II, предотвратить роковую судьбу. Российская партия войны перехитрила склоняющегося к миру царя и, уверенная в содействии Англии и Франции, решилась на мобилизацию, которую немцы расценили как начало войны.

С появлением коммунизма отношения между русскими и немцами вступили в совершенно новую фазу. Чтобы получить передышку на Восточном фронте, Германия в 1917 году деньгами и логистикой способствовала коммунистическому перевороту в Петербурге. В запломбированном железнодорожном вагоне Ленина с его штабом перевезли из его швейцарской эмиграции через Скандинавию в Россию. Царская власть своей собственной партией войны нанесла себе смертельный удар в пользу хаоса, которому для выживания понадобилась мясорубка Лубянки и Гулага.

Русская революция окончила бессмысленную и особенно для России связанную с гигантскими потерями войну и сделала возможной немецкую победу. Но цена была высока: Система убийств и кровавого террора должна была рикошетом вернуться назад в Германию, сначала в виде бунта матросов в Киле, а после войны в грозящих Веймарской республике гражданских войнах в Баварии, в Рурской области, в Центральной Германии и Гамбурге. На Западе немецкая капитуляция в ноябре 1918 стала неизбежной вследствие подавляющего перевеса союзников после вступления в войну США, и все блестящие победы немецкого оружия против русского парового катка пошли насмарку.

Диктат Версальского договора, названный Лениным «грабительским миром», был актом мести наглых и непримиримых германоненавистников, «миром», который должен был навсегда сделать Германию униженной и обложенной данью. Достигнутые после поражения России или нового Советского Союза под руководством Ленина условия Брестского мира были в противоположность этому куда более мягкими и дальновидными. Германия отказалась от всех ее значительных территориальных захватов на востоке. Вместо этого немцы постарались помочь аннексированным Россией балтийским странам вернуть их прежнюю независимость.

После заявления, сделанного уже в 1916 году генерал-полковником Безелером, бывшим в то время генерал-губернатором оккупированной немцами Польши, немцы и – после обоснованного промедления – также австрийцы провозгласили 5 ноября 1916 года восстановление независимой Польши. Якобы акт дипломатической разумности! Дошли даже до того, что стали снабжать

Польский легион для защиты заново родившегося государства самым современным оружием!

Возникшее благодаря немецкой корректности и наивной широте натуры новорожденное государство должно было несколько позже дорого обойтись не только немцам и австрийцам. Едва получив в подарок свою свободу, польская жадность к грабежам и мания величия снова вышли из берегов. Польские претензии на «древние» польские территории при усердной поддержке масона высокого посвящения Клемансо, а также оторванного от жизни, павшего жертвой нашествия фанатичного польского шовиниста Падеревского президента США Вильсона, принимают фантастические формы. В первые недолгие годы существования новой Польши эта страна начала войну с каждым из своих соседей (Литва, Белоруссия, Украина, Словакия, Чехия, Германия).

Возникшую после захватов не только немецкой, но и русской или украинской земли проблему меньшинств поляки решают своим способом: Тот, кто не хочет заявить о своей принадлежности к новому польскому государству, лишается собственности и высылается. Так, например, из Познани и Западной Пруссии были изгнаны из своих домов примерно 800 000 немцев. Это была прелюдия к осуществленному зверскими методами после 1945 года изгнанию 15 миллионов немцев с их с немецким усердием более семи веков строившейся старой родины. (Сегодня газеты назвали бы это «этнической чисткой».)

Также дальше на востоке польское желание экспансии успокаивается. Войска Пилсудского продвигаются далеко вперед за определенную Антантой Линию Кёрзона вглубь Украины и в Литву против тогда еще слабой Красной армии и украинских борцов за свободу.

Последующие, всегда благосклонно воспринимаемые западными державами польские претензии и общий следующий из поражения путь страданий снова помогают более тесному сближению немцев и русских. Польские шовинисты открыто объявляют, что они ни в коем случае не согласятся с согласованными Антантой границами. Они прямо требуют создания Великопольской империи, которая должна включать также Чехословакию, потом большую часть Украины и Литвы, а на западе землю вплоть до Дрездена и Берлина – другие географические карты захватывают сразу еще Брауншвейг, Любек и Гамбург.

Для сопротивления преобразованию географических карт Польши и явно хищническому капитализму западных союзников сближение Германии и Советского Союза приводит в 1922 году к Рапалльскому договору:

континентальная торговля по железным дорогам через Балтику и Инстербург вместо только западной заморской торговли через Эльбу.

Рапалльский договор означал: немцы и русские прорывают торговые ограничения союзников, осуществленные финансовым закабалением и угрожающим устьем Эльбы английским океанским флотом – вплоть до голодной блокады – какая большая неприятность для победителей мировой войны!

(Англия, например, после 1918 года увеличила площадь своих заморских владений с 96-кратной до 123-кратной относительно площади собственно метрополии.

Один взгляд на карту объясняет разрыв путей сообщения между Германией и Россией переданным в 1919 году полякам западно-прусским коридором. – прим. автора)

Немецкий Рейхсвер может избежать оков Версальского диктата и спокойно испытывать запрещенное немцам оружие вдали от шпионов Антанты. Тем не менее, помощь Советов немецкой военной промышленности несоизмерима с тем потоком машин и специалистов, которые поступают Красному режиму от усердных западных сочувствующих. Возникают гигантские промышленные проекты, безжалостно осуществленные с ужасными человеческими жертвами, гидроэлектростанции, авиазаводы и автозаводы, заводы для производства танков, пушек и боеприпасов, и все они едва ли были бы возможны без американской и немецкой помощи! Для осуществления всемирной коммунистической революции честолюбие Сталина было направлено на то, чтобы превратить Россию из аграрной страны в ведущее индустриальное государство.

Ничего не должно было быть более логичным, чем сотрудничество обоих побежденных и униженных народов. То, что оно оказалось невозможным, зависело не от русского народа, а от того, что «профессиональные революционеры», новые властители России, не были русскими! Усилия красных властителей скорее сводились к тому, чтобы «ликвидировать» почти всю буржуазию («буржуев»), всех, у кого были большие способности, высокое положение и известность в обществе, чтобы сохранить этим свое собственное террористическое правление. Как можно прочесть у Солоневича, Альбрехта, Солженицына, Бажанова, Куртуа и многих других, десятилетиями элиты русских, украинцев и, наконец, также балтов и немцев отправляли в сибирские лагеря смерти, т.е. устранили. Или расстреливали после длительных пыток и показательных процессов. Убитые под Катыню и Харьковом выстрелом в

затылок примерно 15000 польских офицеров и других представителей интеллигенции со связанными за спиной руками являются только небольшой долей убитых, в смертях которых виновны ГПУ или НКВД, с общим количеством, согласно Солженицыну, 66 миллионов человеческих жертв.

Несмотря на террористический режим красных некоторые коммунистические идеалисты, в т.ч. Фёгелер, Макс Хельц, Вольфганг Леонхардт или Клара Цеткин предоставили себя в распоряжение советской системе. Только немногие из них пережили будущие сталинские «чистки». К ключевым специалистам относился также немецкий инженер-лесовод Карл Альбрехт, который в 1924 году приехал из голодающей Германии в Россию и уже скоро поднялся там до заместителя министра лесной промышленности Советского Союза. Его 644-страничная книга с рассказом о пережитом рассказывает о жестокой и примитивной советской экономической системе, которая без иностранной помощи уже вскоре рухнула бы.

Во время его научной командировки в Германию и Скандинавию в 1930 году Альбрехт увидел, что в западных странах машинные залы всех фабрик пустовали из-за отсутствия заказов – сотни тысяч квалифицированных рабочих, техников, инженеров и мастеров оставались без работы, в то время как в Советском Союзе такие специалисты были срочно нужны!

Вместо них миллионы бедных русских крестьян, насильно униженные теперь до беспомощного пролетариата, должны были наполнять советские промышленные гиганты и с бессмысленным безрассудством разрушать огромные ценности. Одновременно Сталин использовал труд на лесоповале для того, чтобы самой тяжелой работой бесшумно устранить миллионы человек, мужчин, женщин и детей, вынужденных работать суровой зимой в глубоком снегу без теплой одежды, часто без обуви.

Если британская блокада голода была проведена против Германии путем закрытия Немецкой (Гельголандской) бухты, то другая, менее известная акция уничтожения людей голодом нуждалась в гораздо больших организационных издержках. Причины этого исходят из Гражданской войны в России между красными и белыми. Сталин как «народный комиссар по делам национальностей» не забыл, что крестьян Украины нельзя было убедить в благах большевизма и они оказывали красным особенное сопротивление. После основательных подготовительных работ он в 1930 году готовит им наказание: Вся крестьянская собственность отбирается и «передается в коллективы», что уменьшает поголовье скота до минимума. Земля будет «раскулачена»: Тот, кто владеет больше чем тремя коровами, считается кулаком, зажиточным

крестьянином, вредителем. Крестьян-середняков миллионами арестовывают и ссылают в Сибирь, высокая смертность при их перевозке – вполне намеренная. Следующий шаг – это все более тяжелые «нормы зернозаготовок», вплоть до того, что деревням нечего больше остается есть. Политбюро приказывает забирать у упрямых крестьян и колхозов сразу «весь хлеб, которым они владеют, также то, что якобы зарезервировано для посевной».

Француз Стефан Куртуа в «Черной книге коммунизма» называет общее число семь миллионов умерших с голоду, из них четыре миллиона умерли в течение десяти месяцев в 1933 году.

Похищенное («конфискованное») зерно служит Советам для финансирования их гигантских промышленных проектов; так в основной год голода 1933 они вывезли 1,8 млн. т пшеницы за границу – 1800 длинных железнодорожных грузовых поездов с хлебным зерном для многих миллионов человек!

До сегодняшнего дня этот Холокост голода не попал в широко распространенную историографию, хотя он однозначно описывался в свое время немецкими и итальянскими консульствами в Харькове (копии подробных сообщений можно увидеть у Злепко и найти однозначную информацию в архивах). Запад молчал. Также немецкие партии и правительство молчали – до 1933 года и после него; только частично это можно понять как внешнеполитическую оглядку на такую важную договоренность в Рапалло. О дальнейших причинах можно было бы только гадать о направлении государственных и властных соображений, и можно указать параллели, например, с одобрением Гитлером противоречащей международному праву дегерманизации Южного Тироля.

При осуществлении его общей стратегии Сталин позже сумел мастерски использовать неустойчивую и страдающую манией величия Польшу в качестве запала для нового всемирного пожара, в котором западные державы снова должны были растерзать друг друга, а он сам с улыбкой смотрел бы на них в роли довольной третьей стороны. Гитлер с недостаточными силами всего на несколько недель опередил давно запланированное советское общее наступление для захвата Европы. Он сильно недооценил вооруженную до зубов и готовую к нападению Красную армию и резервы большой страны. Немецкие успехи были возможны только благодаря смелости и способности немецкого солдата и первоначальному дезертирству противника, массы которого, похоже, сначала вовсе не были готовы драться за советскую систему. Но с точки зрения психостратегии шансам Вермахта с самого начала очень мешало то, что в глазах

мира немцы были «коварными агрессорами», в то время как хитрый лис Сталин смог воспользоваться ролью невинной жертвы нападения.

В середине июня 1941 года, незадолго до начала Русской кампании, крупные партийные руководители доктор Георг Ляйббрандт и Альфред Розенберг пригласили Бориса Бажанова, до 1927 года секретаря Сталина, из его парижской эмиграции в Берлин. Его попросили оценить политическое положение в Кремле в случае войны. Ответ Бажанова (стр. 248 в его книге) был таков: «Если война будет вестись против коммунизма, вы победите; однако, если, война будет вестись против России, то русский народ будет против вас, тогда война для вас будет проиграна». Решение фюрера по поводу этой альтернативы звучало, по словам Бажанова, так: «О русском правительстве не может быть и речи; Россия будет немецкой колонией и управляться из Германии». Другие публикации – Беер, Оберлэндер, Фолльмер тоже указывают в том же направлении.

Избалованный и ослепленный успехами молниеносной войны, Берлин не особо заботился о том, чтобы политически поддержать вторжение немецких войск, заключив союз с освобожденными от сталинского большевизма народами. Как было видно летом 1941 года на всем фронте, если бы немцы тогда правильно вели психологическую войну, то сталинская система террора рухнула бы как картонный домик. Сам Сталин представил лучшее доказательство этого, когда ввиду немецкого продвижения он из страха перед народным восстанием убежал из столицы в деревню.

Таким образом, лучшая немецкая кровь – а также русская кровь – из-за затасканной идеологии пространства и расы абсолютно излишне была пролита в жестокой, четырехлетней бойне.

Дополнительной причиной спасения Сталина в провозглашенной им теперь «Великой Отечественной войне» называют, как правило, еще американскую помощь (ленд-лиз) через Мурманск. Хотя эта поддержка благодаря огромному потенциалу американской промышленности была существенной, но в том, что касается основного оружия, ее следует рассматривать как незначительную по сравнению с собственным производством оружия. Еще в 1941 году Советы переместили большую часть своей военной промышленности на Восток, что было выдающимся достижением во время войны. Как пишет К. Х. Дешнер в его «Молохе» (стр. 283), американские поставки не составляли даже 10% русского собственного производства. По его данным, 91% всех танков, 92% всех самолетов, 95% всех артиллерийских снарядов, 98% всех орудий и 100% всех винтовок производили сами Советы. Фантастическое вооружение, которое

позволило Красной армии в решающих боях добиться, например, огромной концентрации артиллерии: одно орудие на метр фронта!

Как неповторимый исторический акт нужно оценить то, что немецкий Вермахт вопреки провальным решениям немецкого политического руководства смог остановить советский огневой вал на Эльбе. Без этого жертвоприношения немецких солдат архипелаг Гулаг с братскими могилами НКВД заполнил бы весь европейский континент. Немецкие и российские архивы располагают достаточным количеством материала, чтобы изобразить достоверную картину катастрофического положения в «советском раю» и трагического конфликта между Германией и Россией. Но для этого крайне необходима все еще ограниченная свобода исследований, истории и журналистики!

Вклад немцев в благосостояние России после войны был жестоко принудительным. Миллионы немецких солдат, частично переданные Эйзенхауэром Советам, в течение долгих лет в самых примитивных условиях должны были заниматься рабским трудом. То, что большинство из них при этом погибло в жалких условиях, было, наряду с массовыми изнасилованиями немецких женщин, большевистской мстью. Более поздней ГДР досталась роль строить химическую промышленность для Восточного блока. Так как марксистский руководящий слой оказался неспособным, Францу-Йозефу Штраусу неоднократно приходилось спасать этот больной режим с помощью оживляющих инъекций в форме многомиллиардных субсидий.

Многие немецкие шахтеры были обречены на болезни и раннюю смерть, так как они добывали уран из глубин земли между Рудными горами и Дрезденом для советских атомных бомб, подводных лодок и ядерных реакторов. В свою очередь, миллиарды требовались и еще потребуются, чтобы обезвредить и заменить реактор в Чернобыле, чтобы Украина смогла по-прежнему продавать свой избыток электроэнергии на Запад за твердую валюту. Российское ремесло, вопреки всем прежним импульсам от немцев, только слабо развитое, было во времена Сталина настолько основательно искоренено, что там не осталось действенной традиции для ремесленного создания добавленной стоимости, а также для работ по уходу и профилактических ремонтных работ.

Многие миллиарды Международного валютного фонда (МВФ) – при усердной немецкой готовности платить! – не принесли никакой пользы производительной русской экономике, а, наоборот, попали в темные каналы больной, мафиозной и полностью коррумпированной правительственной группировки – в которой мы снова встречаем товарищей из Красной эры под новой «демократической» маской.

Как теперь известно, исход войны для Сталина, в конечном счете, оказался Пирровой победой. Не Советский Союз и коммунизм, как казалось сначала, остались конечными победителями, а не пострадавшие от войны, ставшие экономически значительно более сильными США. В конечном результате именно Уолл-стрит, а не Москва, претендует сегодня на то, чтобы своей «глобализацией», т.е. нивелированием и устранением какого-либо национального суверенитета добиться экономического, и вместе с тем политического господства над земным шаром.

Часть 15: Заключительное слово

За более чем тысячелетнюю общую историю Германии и России войны между этими странами были, как мы увидели, в общем редким исключением. Скорее преобладали вполне дружеские отношения, из чего долгое время извлекала пользу в первую очередь Россия. Однако, по сравнению с миллионами немецких эмигрантов в Америку, которые отражали преимущественно средний уровень, в Россию за столетия переехало относительно немного немцев, но зато сравнительно более высокого уровня.

Между тем система господства коммунизма в России рухнула. Только его идеология в дружелюбной общности с западным капитализмом по-прежнему создает политику в большей части мира.

Нет больше никаких причин против возобновления прежней дружбы и плодотворного взаимодействия между немцами и русскими. Но наши обеспокоенные сохранением своего доминирующего положения эксплуататора «дружья из западного сообщества ценностей» всеми силами пытаются предотвратить новый Рапальский договор! Немецкая роль покорности и распродажа духовно-экономической субстанции по бросовым ценам посредством продажных политиков уменьшилась бы вследствие этого или – как тревожно! – полностью бы закончилась.

Соединение немецкой экономической мощи с буквально неистощимыми источниками сырья России, а также ее восстановление после семи десятилетий большевистского истощения послужила бы благу обоих народов. Евразийское слияние в большое пространство – с дальней целью создания оси Москва-Токио (или Пекин) – могло бы дать в итоге автаркический, экономически и политически непреодолимый блок, который мог бы вершить собственную судьбу независимо от диктата международной финансовой олигархии.

Уже Александр Солженицын предостерегал от всепоглощающего молоха западного либерализма, заклятого врага всякого естественного и определяемого природой порядка. В его книге «Август 14» можно найти объяснение в любви русского патриота немецкому народу. Его мечта: немецко-российское партнерство с обновленной внутри, а не нынешней подчиненной мафии Уолл-стрита и коррумпированной России. Оно было бы одновременно фактором стабилизации в мировой политике и отказом от бессодержательного материализма западного либерального грабительского капитализма.

Что у нас есть, что Европа должна была бы ожидать, напротив, от нашего всемогущего «защитника» Америки? По взглядам Збигнева Бжезинского или Генри Киссинджера ничто иное как вечную роль протектората под замаскированным как дружба господством этого самонадеянного, ненасытного в его притязаниях на власть «всемирного благодетеля». Вместо сохранения многотысячелетней западноевропейской культуры – расширение бездушного материализма англо-американского вида, вместо самостоятельности, вместо индивидуального культурного богатства европейских народов – безвольную, покорную и аморфную объединенную кашу «мультиэтнических государств», как выразился однажды генерал НАТО Уэсли Кларк. Точно по плану президента Клинтона, самого явного олицетворения современной «морали», который в 1997 году заявил группе журналистов, что цель Америки стать «мультирасовым, мультиэтническим обществом».

Иоахим Фернау пророчил в своей книге «Аллилуйя. Истории США»: «Если победит американизм, то через сто пятьдесят лет он погубит человечество, и Земля, как вымерший Марс, будет кружить во Вселенной... Виновный находится по ту сторону океана».

Часть 16: Список литературы

- Albrecht, Karl I., Der verratene Sozialismus; Nibelungen, Berlin 1939.
- Ausstellungskatalog Kiel – Eutin – Petersburg; Heide 1987.
- Baschanow, Boris, «Die letzte Republik», Huttenbriefe; April 1999, S. 5.
- Beer, Hugo Manfred, Moskaus As im Kampf der Geheimdienste; Pähl 1987.
- Billung, Hermann, Albert Leo Schlageter, Reihe knapp + klar Heft 19.
- Blank, Hans G., Hermann von Salza; BdV, Bonn, 1990.
- Courtois, Stéphane, Das Schwarzbuch des Kommunismus; München 1998 / Paris 1997.
- Ertl, Karl Hans, Deutsche in der Geschichte Rußlands; Deutsche Verlagsgesellschaft, Rosenheim, 1996.
- Deschner, K. H., Moloch; München 1992.
- Fernau, Joachim, Halleluja. Die Geschichte der USA; Herbig, Berlin 1977
- Fischer-Fabian, S., Preußens Gloria; Th. Knaur Nachf., München 1979.
- Francis, Sam, «Ethnicity still very important», The Spotlight; Washington DC, 9.8.1999, S. 10.
- Gellner, Stefan, «Verlierer Europa?» Das Ostpreußenblatt; 22.5.1999, S. 3.
- Haller, Johannes, Die Epochen der deutschen Geschichte; Cotta, Stuttgart 1943.
- Kopelew, Lew, Und schuf mir einen Götzen; dtv 1677, Hamburg 1979.
- Löwe, Hans, Der Rebell von Tauroggen; Paul List, Leipzig 1954.
- Piebrock, Heinrich, Deutsche helfen Amerika bauen – und Amerikas Dank?, Reihe knapp + klar Heft 15.
- Piebrock, Heinrich, Lenin läßt grüßen, Reihe knapp + klar Heft 9.
- Preuß, Armin, Ernst Moritz Arndt – Herold für Einigkeit und Recht und Freiheit, Reihe knapp + klar Heft 15.
- Scheck, Werner, Russische Geschichte; München 1975.
- Sievers, Leo, Deutsche und Russen; Bertelsmann, Gütersloh 1991.
- Solschenizyn, Aleksandr, Der Archipel GULag (3 Bände); Bern 1974.
- Strauß, Wolfgang, «Alexander Solschenizyn – Prophet, Mahner und Ankläger zugleich», Das Ostpreußenblatt; 5.12.1998, S. 3.
- Suworow, Viktor, Der Eisbrecher. Hitler in Stalins Kalül; Stuttgart 1990.
- Tulajew, Pawel, «Deutsche und Russen – Partner mit Zukunft?» Nation & Europa; Nov./Dez. 1998, S. 46.

Vollmer, Dieter, Geopferte Zukunft; Schleswig etwa 1990.

Wiesberg, Michael, «Heiliger Krieg um Europa beginnt», Junge Freiheit; 14.5.1999, S. 6.

Zar Peter der Große; Ausstellung Museum Schloß Bad Pyrmont, Sommer 1999.

Zlepko, Dmytro, Der ukrainische Hungerholocaust, Stalins verschwiegener Völkermord 1932/33 an 7 Millionen ukrainischen Bauern im Spiegel geheimgehaltener Akten des deutschen Auswärtigen Amtes; Sonnenbühl 1988.

[Велесова Слобода, 2014 г.](#)

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).